

Руслан Муха

ШПИОН

Попаданец (АСТ)

Руслан Муха

Шпион

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Муха Р.

Шпион / Р. Муха — «Издательство АСТ», 2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-133651-6

Я просто хотел быстро разбогатеть и свалить с сестрами из этой дыры, но вместо этого меня отправили в параллельный мир. У меня были мечты и планы, но кому это интересно? Теперь я шпион в чужом, непривычном мире, где опасности поджидают меня на каждом шагу. Здесь дикие порядки и жестокие нравы, здесь магия, религия и боевые искусства сплелись воедино. Здесь всем заправляют сверхлюди и бессмертные. Теперь мне нужно в буквальном смысле бороться за место под солнцем. Но я не собираюсь унывать, не в моих привычках опускать руки. Я начинаю новую жизнь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133651-6

© Муха Р., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог, или С чего все началось	6
Глава первая, или Орел взмывает ввысь	15
Глава вторая, или Орёл попадает в силки	21
Глава третья, или Орел падает в бездну	31
Глава четвертая, или Орел улетает из гнезда	38
Глава пятая, или Столкновение с цивилизацией	47
Глава шестая, или Самозванец	53
Глава седьмая, или Побег	58
Глава восьмая, или Последний из рода Игал	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Руслан Муха

Шпион

© Руслан Муха, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Серия «Попаданец»

Выпуск 95

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Пролог, или С чего все началось

ПОЖИРАТЕЛЬ

Хема, та сторона.

За полгода до основных событий

В эту ночь на великой горе Меру было необычайно холодно. Пронизывающий ветер, казалось, дул сразу со всех сторон. Небо затянуло плотными тучами, и не одно из ночных светил Хемы было не в силах пробиться сквозь сумрачную толщу. Из-за тьмы никто из зевак не увидел бы то странное, что происходило на Южном утёсе в эту ночь.

На пологом выступе, почти у самого края, стояли мужчина и девочка. Странная пара: мужчина в имперской форме высшего ранга, черноволосая девочка-подросток в легком шелковом платье, которое отчаянно трепыхалось на ветру. Мужчина – великий император Амар Самрат – правил западной половиной континента. И девочка – Милосердная Бодхи Гуру Каннон в тридцать шестом воплощении, глава восточной части, именуемой как Объединенные Республики Милосердия.

Казалось, они стоят неподвижно, но на самом деле это было не так. Полная концентрация, чакры напряжены и работают на всю мощь, шакти тугими волнами бьет точно в цель: истязая, разрывая живьем того, кто обречен с рождения – пожирателя. Его нужно уничтожить во что бы то ни стало.

Пожиратель изгибался и корчился. Невыносимая боль разрывала изнутри, сила раздирала не только тело, но и душу, ей невозможно сопротивляться.

Этот пожиратель совсем молодой – мальчишка, еще не успевший пожить. Возможно, где-то в глубине души палачи жалели его, но не настолько, чтобы оставлять в живых. Слишком большую опасность представлял этот тамас.

Напряженное молчание длилось уже несколько минут. Чистая шакти тонкими иглами проникала в неправильные чакры пожирателя, пытаясь вырвать обратно проглоченную энергию.

Пожиратель поскуливал, кряхтел, выл, скреб пальцами по камням, неестественно выгибался.

Уже скоро. Еще немного и пожиратель не выдержит, а шакти вырвется на свободу.

Каннон и император, не сговариваясь, усилили поток энергии. Они прекрасно знали, что делать, и не впервые убивали пожирателя. Но также знали, что у убийства есть цена.

Пожирателя нельзя просто убить, его тело защищает проклятие. Нужно уничтожить его на всех уровнях, разорвать астральное тело, распустить на тонкие нити все каналы, задушить чакры, испепелить. А затем шакти, проглоченная пожирателем, вырвется наружу и породит деформацию, оставит еще один рубец на теле мира. Но иначе нельзя.

Жаль, ведь мальчишка не в силах был понять, что на самом деле с ним происходит и почему Бессмертный Император и Бодхи Гуру Каннон, самые могущественные люди на Хеме, решили его убить. Парень смотрел на них с мольбой, взгляд – обезумевший от боли, и застывший в глазах вопрос: «За что?»

Охваченные проклятием Чидьеты никогда не понимают, за что.

– Потерпи, скоро все кончится, – с сочувствием сказала Каннон.

Жалость и сочувствие придали ей сил, чакра души раскрылась шире, и Каннон ударила в пожирателя с большей мощью.

Отчаянный рык. Затем крик, холодящий душу, ударяющий эхом о холодные камни скалы. Еще один крик, нет, даже не крик, вопль, таящий в себе ужасающую боль. Последний крик был похож на визг, пронзительный, дикий, будто кричало животное, который тут же подхватил и унёс ветер.

А затем прогремел взрыв. Тело пожирателя разорвало на куски. Брызги крови, плоть и осколки костей полетели в Хранителей, но они даже не шелохнулись.

На долю секунды проглоченная шакти, энергия из осушенного источника клана Капи, ярко вспыхнула, будто маленькая звезда засияла на горе Меру и тут же погасла. А затем невидимой, неосязаемой волной, но обладающей немыслимой силой, шакти полетела вперед, ударившись о камни утеса.

Гору затрясло.

Император и Каннон спокойно ждали, пока земная дрожь не стихнет.

От пожирателя не осталось ничего, только черное мокрое пятно на камнях, только черные брызги на небесно-голубом платье Каннон. Стихли крики, остался лишь завывающий ветер. Шакти источника Капи ушла. Исполнилось проклятие.

– Что будет в этот раз? Есть предположения? – буднично произнес император, повернувшись к Каннон и блеснув в темноте хищными золотистыми глазами.

Девочка пожала хрупкими плечами, задумчиво разглядывая то место, куда ударила шакти.

– Это может быть что угодно, – сказала она. – Остается только надеяться, что это будет очередная засуха или наводнение, а не летящий на планету астероид, как в прошлый раз.

Император кивнул. Они замолчали. Каждый задумался о своем. Наконец Каннон, серьезно взглянув на императора, сказала:

– Будем ждать.

Император сузил глаза, окинул взглядом небо, сурират Каннон кружил неподалеку, император не видел его, но чувствовал. Ветер ударил в лицо – скоро должна начаться буря.

– Слишком часто стали появляться пожиратели, – втягивая ноздрями воздух, сказал он. – Трое за последние пятьдесят лет, это чересчур. Судный день намного ближе, чем мы предполагали.

Каннон вздохнула, приладила растрепавшуюся на ветру черную косу и сказала:

– Может быть. Но провидцы ничего похожего на Судный день не видят. Значит, судьба еще не предрешена. Не бери в голову, Амар. Наше дело защищать и хранить этот мир.

– Хранить, – скептически усмехнулся император. – Было бы проще его хранить, если бы ты не расплодила столько деформированных, вытесняя ракта.

Каннон обдала императора холодным, презрительным взглядом. Старые обиды вспыхнули в груди с новой силой.

– Если бы ракта и вовсе не было, – сказала она, – то нам бы не понадобились источники, а значит, и не было бы пожирателей.

Амар усмехнулся:

– Сколько раз я уже слышал этот бред, великая Бодхи Гуру? Ракта истинная сущность человека, тамас – проклятие, деформация, неестественность, претящая природе мироздания. Ты совершаешь ошибку, поддерживая мутировавших в Респу́бликах и задвигая возможности ракта на задний план.

– Ракта такие же люди, как и тамас! – вспыхнула Каннон. – Они ничем не отличаются. Только вот одним повезло родиться без мутации, а вторым нет. К тому же тамас не рвется к власти, не сбиваются в кланы, не делят людей на касты. Клань – пережиток прошлого, мы давно выросли из этого. Почему ты так лелеешь этот уродливый порядок? Они опасны, ты даёшь им слишком много власти. Когда-нибудь они наиграются в войну между собой и примутся за нас. Ведь подобное уже происходило.

Амар снова усмехнулся, хищные острые черты лица стали куда ожесточеннее:

– Клань безопасна, они верны Империи и мне. К тому же мы, в отличие от вас, возрождаем вид ракта, а не уничтожаем. Клань этому немало способствуют, так как соблюдают чистоту крови. А вы же, – злая усмешка коснулась уст императора, – устроили геноцид! Ты, сама того не понимая, поддерживаешь проклятие Чидьеты. Восемь из десяти пожирателей выходцы Республик.

– Не надо! – резко возразила Каннон. – Этот был из презренных. И вот же, если бы в Империи был порядок, пожирателя бы сразу обнаружили. А он – нет, проник себе спокойно на земли клана Капи и поглотил один из древнейших источников. А все почему? Потому что великий Амар Самрат не хочет брать на себя ответственность за свою Империю. Конечно, ведь проще окружить себя кланами, которые защищают со всех сторон, снабжают ресурсами. А граждане Империи? У них ведь нет жизни! Тотальная слежка за собственными гражданами это разве не есть твое признание в собственном бессилии? Ты боишься, Амар!

– Прекрати, – засмеялся император, – ты всегда все видела через свою искаженную призму сострадания, отрицая здравый смысл. Тебе никогда не понять моей правды, а мне, – он снова засмеялся, – никогда не понять твоего безумства. Республики, порядок... Наивность. Каннон, иногда мне кажется, ты и через десять тысяч лет не повзрослеешь.

Бодхи Гуру вспыхнула от негодования:

– Зато в моих Республиках нет такого беспорядка, как в твоей Империи! Нет такого неравенства и несправедливости! Ты расплодил клань, окружил себя ядовитым серпентарием и делаешь вид, что все в порядке. Когда-нибудь это тебе аукнется. И боюсь, не только тебе, нам всем.

Амар взглянул на Каннон, не скрывая снисходительной улыбки:

– В Империи у меня порядок. А вот у тебя.... Как там поживают твои клань? Понравилась им республиканская реформа? Ты ведь в курсе про их подпольные игры? Они, знаешь ли, все время посматривают в нашу сторону. Боюсь, твоя политика доведет их до того, что они вскоре присоединятся к Империи, оттяпав у тебя солидный кусок земель.

Каннон повернулась к императору всем телом, сжала от злости кулаки и сказала, чеканя каждое слово:

– В Республиках нет рабства! В Республиках равноправие! Демократия! У нас нет смертной казни, у нас...

– Прекрати, Каннон, – оборвал ее император. – Мне это не интересно. Я знаю обо всех твоих добрых делах, которые добрые лишь в кавычках. Ты можешь мне вообще ничего не рассказывать, мои резиденты регулярно докладывают о том, что происходит в Республиках и в пограничных клань. Я знаю о каждом шаге верховного главы. Я знаю все, до малейших мелочей.

Он снисходительно улыбнулся, положил покровительственно руку на ее хрупкое плечо. Каннон вздрогнула, вяло повела плечом, стараясь сбросить его ладонь.

Амар Самрат потешался, ему всегда нравилось доводить ее до белого каления. И ведь Каннон всегда велась на эту провокацию, особенно в подростковом возрасте. Даже великая Бодхи Гуру не может совладать с таким явлением, как подростковый возраст.

– Мне пора, – сказала Каннон Амару, а затем отдала телепатический приказ своему советнику Рахасу, чтоб он ее забрал.

– Если будет информация, – не глядя на императора, сказала она, – если станет что-то известно о деформации, не забудь, пожалуйста, мне сообщить.

Император не ответил, он продолжал улыбаться, наблюдая за тем, как она пытается совладать с всплеском злости. И ведь даже не пытается использовать самоконтроль, ох уж эти гормоны.

Сурират завис над землёй, выпустив подъемный свет. Каннон, не прощаясь, шагнула к яркому лучу и исчезла. Стало темно.

Император проводил взглядом быстро удаляющийся сурират, еще немного постоял в задумчивости, пытаясь проследить путь вырвавшейся шакти. Но от нее не осталось и следа. Энергия выполнила свое предназначение. Значит, грядет расплата за убийство пожирателя.

ВЗРЫВ

Земля, наш мир, в то же самое время.

Мексика

2:33 am

Никому не нравится, когда его поднимают среди ночи. Генералу Фернандо Мигелю Гереро тоже не понравилось, когда в половине третьего назойливо запищал домофон. Он пищал так противно, трелью, перерастающей в свист, бьющей тонкой иглой в барабанные перепонки, что Гереро едва подавил сонное желание выключить домофон и продолжить спать.

– Что там? – заворочавшись, сонно спросила Камилла.

– Не знаю, – буркнул сердито Гереро, – в дверь звонят. Черти кого-то принесли.

Он нашарил на тумбочке пульт, переключился на камеру домофона, с экрана на него глядел генерал Перес. Выглядел он слегка растрёпанно, и, судя по тому, как он нервно поправлял берет, что-то случилось. Сон вмиг слетел с Гереро, когда до него наконец дошло, что просто так посреди ночи Перес бы к нему не пришел.

Гереро сел в постели, вжал кнопку голосовой связи:

– Уже иду, – сказал он и поспешил вниз, мысленно готовясь услышать что-то из ряда вон.

Гереро рывком распахнул дверь и вопросительно уставился на Переса.

– Сеньор генерал, у нас чрезвычайное происшествие. Собирайтесь. Все подробности по дороге, – слишком торопливо и взволнованно отчеканил Перес.

2:52 am

Бригадный генерал шестого округа Фернандо Мигель Гереро слушал генерала группы штата Керетаро Антонио Переса внимательно, не перебивая и не задавая вопросов. Перес без запинки выдавал всю информацию, которая у него имелаась, и уточнять ничего не требовалось.

– Два часа назад произошёл обвал Пенья-де-Берналь, – очень официально и сухо произнёс Перес. – Предположительно обвал произошёл вследствие взрыва. У подножия горы располагалось несколько домов местных жителей деревни Берналь, но большая часть домов пострадала из-за мощного взрыва. Сейчас там командир Лопес, а также работают местные: полиция, спасатели, выехала спецгруппа по антитеррору. Точных данных пока не имеем, но предположительно нам стоит ожидать немало жертв среди гражданских.

Пауза. Перес смотрел исподлобья, ждал, спросит Гереро или нет. Не спросил, поэтому Перес продолжил доклад:

– По первоначальным подсчётам погибло больше двухсот человек.

Гереро тихо выругался. Повисло молчание. Перес смотрел в окно, думал о чём-то. Затем повернулся, вздохнул, уставился отсутствующим взглядом на экран нано-сэда, выключил его, в кабине стало темно.

Перес заговорил нерешительно и тихо, будто боялся, что его кто-то может услышать:

– Час назад разговаривал с командиром группы антитеррора, эпицентр взрыва находился в самом центре горы. Но что странно, гора монолитная, сплошной камень. Заложить туда взрывчатку физически невозможно. Пришлось бы бурить, а такое, сами понимаете, не могло остаться незамеченным. Поэтому, скорее всего, проверка не подтвердит теракт, к тому же

никаких предпосылок не было. Да и странно это... Какой к чёрту теракт здесь, в Мексике? У нас здесь не США.

– Что тогда, Антонио? Природный фактор? Землетрясение? Вулкан?

Гереро ощущал странное неприятное чувство потери связи с реальностью, во рту пересохло, в голове гудело, он смотрел в темноту, где виднелись лишь очертания силуэта Переса.

– Нет. Причина взрыва не установлена. В эпицентре нашли странный объект, но это не взрывчатое вещество. Это что-то... – Перес запнулся. – Это что-то неизвестное.

4:30 am

К Пенья-де-Берналь они прилетели в половине пятого. Как раз в это время над обломками некогда величественной, а теперь полуразрушенной горы, затеплился рассвет.

Ещё с высоты можно было увидеть, какой в деревне творился хаос. Все дороги заполнили автомобили – жители покидали деревню; над городом кружили прожекторы спасательных квадрокоптеров, визжали и уносились на всей скорости медицинские аэробусы, где-то внизу подмигивали синим проблесковые маячки полицейских скайеров. Но главное, ужасало состояние деревни Берналь. Такое Гереро не видел даже в далёких двадцатых во времена войны с наркокартелями. Здесь другое. Разрушенные дома и огонь. Чувство боли и отчаяния, витающее в воздухе. Запах смерти, вызывающий едва уловимый привкус меди во рту.

Скайер приземлился.

Стоило только генералам ступить на землю, как тут же подоспел человек в полном облачении химзащиты и всучил такие же костюмы.

– На всякий случай, – плотоядно улыбнулся командир группы Лопес. – Ждём данные из лаборатории, но пока лучше так.

Никто спорить не стал, в таких делах лучше не геройствовать.

Час Гереро провёл в наспех развёрнутом штабе у подножия горы за разговорами. Его и Переса вводили в курс дела. Ситуация складывалась крайне неприятная. Количество жертв перевалило за три сотни. Больше четырёхсот человек госпитализировано с травмами разной тяжести. У остальных жителей, находившихся дальше от эпицентра взрыва, наблюдаются кровотечения из носа, головные боли, потеря сознания. Советовали эвакуировать местных, но Гереро, вспоминая тянущуюся из деревни цепь автомобилей, решил, что, скорее всего, в этом не будет необходимости. К тому же для официального объявления эвакуации нужен приказ свыше.

Сейчас же больше всего Гереро интересовал тот неопознанный объект в эпицентре взрыва, поэтому он сразу потребовал доложить всё, что о нём известно.

И здесь снова выступил с докладом слишком старательный командир Лопес:

– В эпицентре взрыва обнаружен не поддающийся идентификации объект, состоящий из неизвестного вещества, пробы которого взять не удалось! – на одном дыхании выпалил он.

– Почему не удалось, командир Лопес?

Лопес с секунду колебался, будто ему предстояло сообщить нечто неприятное, а затем продолжил:

– Сеньор генерал, вещество, из которого состоит объект, похоже на жидкость, но при попытке взять пробу... В общем, на деле оказалось, что оно газообразное. Также вещество ведёт себя несвойственно газу, оно находится в постоянном движении, в очень хаотичном движении, скорость которого невозможно вычислить. У нас нет оборудования...

– Ясно, отставить, – оборвал Гереро, слушать жалобы об отсутствии спонсирования сейчас точно не было желания. – Ещё что?

– За веществом находится некая полость, которой раньше там быть не могло. Мы попытались измерить ее. И вот что странно, складывается впечатление, будто полость не имеет границ. Сейчас собираемся запустить туда видеодрон.

Гереро кивнул.

– Я хочу взглянуть, – сказал он и решительно направился к горе.

В небе к тому времени уже совсем рассвело. Утреннее солнце озарило тёплыми лучами разрушенную деревню и гору Пенья-де-Берналь, день обещал быть жарким.

7:15 am

Вокруг объекта уже соорудили пластиковый купол: четверть сферы и кишкообразный коридор. Гереро и Перес вошли внутрь, и только потом зашёл Лопес.

Первое, что привлекало внимание, чёрное пятно на стенке каменной горы. И только потом военные в костюмах химзащиты, приборы, мониторы, датчики, окружающие пятно.

Оно расплалось огромной кляксой три метра в высоту и два в ширину. Странное, где-то даже жуткое нечто, как густая смола: копошащаяся, всё времядвигающаяся, выпускающая тонкие, едва заметные чёрные лоскуты дыма.

Стоило Гереро протянуть руку и коснуться пятна, как она тут же провалилась во тьму. Гереро поспешил отдёрнуть руку.

– Сеньор генерал, – обратился Лопес, – мы готовы запустить видеодрона, здесь можем наблюдать за происходящим.

Он указал на небольшой отсек, очередная кишка, за пластиковой перегородкой которой виднелись размытые силуэты.

Гереро кивнул и направился в отсек.

Здесь уже находился специалист по робототехнике, заметив генерала, он вскочил с места, едва не перевернув мониторы, и торопливо отдал честь.

– Ну. Показывайте, – велел Гереро и сел на предложенный Лопесом раскладной стул.

Рядом разместился Перес, Лопес же остался стоять позади, наблюдая за происходящим на экране техника.

И пока здесь нечего было смотреть – едва подрагивающая темнота. Видеодрон смотрел прямо на объект.

– Запускаем, – тихо сказал техник, плохо скрывая волнение.

Изображение мелькнуло, послышалось мерное жужжание, дрон поднялся в воздух и влетел внутрь вещества.

Гереро ожидал увидеть что-то похожее на пещеру или дыру, что угодно, но никак не голубое небо и бескрайнюю скалистую местность.

– Что за?! – Лопес не смог сдержать эмоций.

Камера повернулась влево, завиднелась синяя полоска то ли моря, то ли океана.

В отсеке висела напряжённая тишина, все присутствующие не отрывали взглядов от монитора.

Камера ещё повернулась, дрон пролетел вперёд, теперь вправо, внизу можно было разглядеть густой лес, где-то очень далеко, почти на горизонте, показался город.

– Он что, вылетел с обратной стороны? – глупо округлив глаза, спросил Перес.

– Здесь нет моря! – внимательно разглядывая изображение на экране, сказал Гереро.

– Тогда что это? Где это? – Перес растерянно глядел на Лопеса.

Лопес лишь развёл руками и сконфуженно-виновато улыбнулся.

– Ваша камера точно показывает именно то, что в полости за веществом? – недоверчиво спросил Гереро.

Всё это выглядело как чей-то глупый розыгрыш. Оно приходило на ум: возможно, тот, кто взорвал гору, перехватил сигнал и зачем-то показывает им вот это.

– Нет, сеньор генерал, – отозвался сбивчиво техник, – никакой ошибки здесь быть не может. Я проверял камеру, проверял дрона, всё было в порядке...

– И что, хотите сказать, словно там, в горе, у нас море и небо? – Гереро нехорошо усмехнулся.

Техник потупил взгляд:

– Не могу знать, генерал.

– Давайте ещё посмотрим, – нервно постукивая подошвой ботинка, предложил Лопес, – направь дрона дальше.

Техник послушно провёл пальцем по панели, дрон подался вперёд, а затем изображение резко пошло рябью и экран погас.

– Сигнал пропал, – неживым голосом отозвался техник.

Гереро сверлил его взглядом:

– И?..

– Сейчас попробую восстановить сигнал, – ответил он торопливо и уткнулся в панель управления, быстро нажимая на клавиши.

Гереро перевёл взгляд на Лопеса, тот снова развёл руками.

– Нужно сходить и посмотреть, что там, – подал голос Перес. – Можем отправить человека...

– Запрещаю! – рявкнул Гереро. – Это может быть опасно. И пока мы не получим распоряжений свыше, ничего не предпринимаем. Если связь не удастся восстановить, отправьте другого видеодрона, этого добра у нас хватает. Используйте.

– Так точно, генерал! – отозвался Лопес.

7:50 am

Стоило Гереро покинуть купол, как ему тут же вручили нано-сэд с защищённым правительственным каналом.

– Министр Санчес на связи, – сообщили ему.

Разговор с министром национальной обороны ожидался весьма неприятный. К слову, министра Санчеса не очень любили подчинённые, так как место министра ему досталось не за какие-то выдающиеся заслуги, а по близкому родству с женой президента. Санчес ей приходился двоюродным братом. Гереро же министра ненавидел по личным причинам. И ненавидел люто, всем сердцем, всеми фибрами своей чёрствой генеральской души, так как считал, что Санчес занял именно его законное место в министерстве. Поэтому когда ему вручили рацию, Гереро мысленно приготовился подавлять в себе ненависть, контролировать эмоции и то прочее, что необходимо делать, чтоб не нарушить устав.

– Генерал, – рявкнул министр в ухо так, что Гереро невольно скривился.

– Слушаю, сеньор, – сквозь зубы процедил Гереро.

Санчес продолжил говорить, делая ударение на каждое слово, видимо, стараясь придать особую важность своим словам:

– Генерал, этот инцидент не должен просочиться в средства массовой информации. Я полагаю, вы понимаете, что уже через несколько часов Берналь заполнят журналисты.

– Как вы предлагаете, сеньор Санчес, замолчать взрыв и обвал одной из самых больших монолитных гор мира? Слишком много жертв и свидетелей.

Сарказм скрыть не удалось, хотя Гереро очень старался.

– Придумайте что-нибудь, генерал. Скажите, метеорит или землетрясение, мне плевать. Главное, чтобы не было паники среди населения. Жителей деревни эвакуировать, оцепить периметр. Людей и оборудования у вас достаточно. К вечеру мы ждём вас с подробным докладом здесь, в Мехико. И ещё... – Санчес сделал многозначительную паузу, – к полудню придут специалисты из США. Группа учёных. Они не представляют правительство США, вам не стоит переживать по этому поводу. Это частная группа учёных, во главе с профессором

Александром Джонсоном. От вас требуется обеспечить им безопасность и предоставить всё необходимое.

– Так точно, сеньор министр, – отчеканил Гереро, хотя внутри он весь кипел от негодования. Какого чёрта они пригласили гринго? Неужели в Мексике закончились учёные? В то, что правительство США не приложило к этому руку, Гереро ни капли не верил.

Санчес будто бы понял, о чем сейчас думал генерал, и добавил очень вкрадчиво:

– Проконтролируйте, чтоб с ними обращались вежливо, Гереро. Вам придётся очень тесно работать с этими людьми. И помните, президент сам лично обратился за помощью к нашим партнёрам из США, так как у них больше опыта и знаний по части аномалий.

Гереро молча усмехнулся. Слово-то какое – аномалия. Но, наверное, иначе эту дыру и не назовёшь.

– Я жду доклад, Гереро. Пришлите его уже сейчас, всё что есть, а вечером дополните.

– Так точно, сеньор, – ответил Гереро, и связь прервалась.

12:46 pm

Гереро находился в полевом штабе с профессором Джонсоном и его личным охранником, амбалом капралом Саймоном. Конечно, вот тебе и частная группа. Но кто бы сомневался, американцы не могли отправить своих учёных без охраны, и теперь приходилось терпеть ещё и присутствие военных гринго, и не только военных. Некоторых Гереро пометил как переодетых в военных сотрудников спецслужб, которые только и делали, что вынюхивали здесь всё и совали свой нос куда не надо.

Профессор Джонсон говорил с жутким акцентом, то и дело сбиваясь на английский. На тактичные просьбы генерала говорить по-английски профессор не реагировал и продолжал «блистать» своим глубоким познанием испанского. Гереро это жутко раздражало, особенно учитывая, что генерал знал английский, а в его нано-сэде и вовсе имелся отличный автоматический переводчик, и в этом не было никакой необходимости.

Джонсон и его группа уже успели ознакомиться с аномалией, провести ряд исследований и кое-что выяснить. Теперь же профессор, коверкая слова и ставя ударения в неожиданных местах, пытался объяснить Гереро, что именно им удалось узнать.

– Аномалия – это дверь, – чуть ли не по слогам сказал Джонсон.

– Проход, – кивнул Гереро. – Куда проход?

– Мы не знаем. Вероятность быть кротовая нора. Генерал знает такой нора, время, будущее или прошлое?

Гереро отрицательно мотнул головой и окинул профессора неодобрительным взглядом.

– Время, идти в дверь, оказаться в прошлый год. Путешествия во времени, – последнее предложение Джонс сказал по-английски, и нано-сэд услужливо перевёл.

– Это точные данные? – Гереро недоверчиво сдвинул брови на переносице.

– Нет! – спохватился Джонсон. – Мы ещё не знаем. Изучать. Думать, кротовый нора или дверь в другую страну, или на другой планета. Другие ворлдс. Но не Земля здесь и сейчас. Мы отправить маяк, нет сигнал.

– Профессор, говорите, пожалуйста, по-английски, – начиная закипать, в который раз попросил Гереро.

То, что говорил профессор, и так вызывало недоверие, а из-за искажённости и вовсе можно было подумать чёрт знает что. Гереро взглянул на Саймона, его громадная фигура горой возвышалась позади худого и бледного Джонсона. Саймон смотрел в одну точку поверх головы Гереро и, казалось, совершенно не слушал их разговор.

– Хорошо, – вдруг сдался Джонсон и наконец заговорил как человек, а не как слабоумный.

Нано-сэд принялся переводить:

– Мы предполагаем, что это пространственный или временной проход. Первое предположение о том, что это место находится на Земле здесь и сейчас, пришлось отвергнуть, иначе у нас бы не было проблем со связью. А у нас с этим были проблемы. Изучать ту сторону довольно затруднительно. Сигнал пропадает, как только приборы слежения удаляются на два фута. Но мы нашли выход из положения – ретранслятор! Половину прибора мы выдвинули на ту сторону, половину оставили на нашей. И это сработало, нам удалось исследовать местность в радиусе мили и даже заснять местных жителей. Они сбили один из наших видеодронов.

Здесь Гереро напрягся. Там ещё и местные жители присутствуют. Дыра не пойми куда и агрессивно настроенные чужаки. Но Джонсона, похоже, совершенно ничего не смутило:

– Внешне они такие же люди, как и мы с вами, потому предположение о том, что это пространственный портал на другую планету, мы исключили. Слишком сомнительно. Скорее всего, мы имеем дело с кротовой норой. Возможно, это наше прошлое или будущее. Только вот одной мили недостаточно для исследования этого мира, к тому же что-то создаёт помехи с той стороны. Вся техника, стоит отдалиться от портала, начинает работать некорректно. Связь практически односторонняя. Сигналы оттуда проходят хорошо, нашим же сигналам что-то мешает. Но мы ищем способ обойти помехи, но пока его нет. Поэтому сейчас нам необходимо отправить туда разведчика.

Гереро кивнул.

– Живого разведчика, – осторожно уточнил Джонсон, догадавшись, что генерал его понял неверно.

Лицо Гереро тут же стало суровым и непроницаемым:

– Это небезопасно. Если и отправлять, то группу. Одному разведчику не справиться. Мы не располагаем данными об уровне развития людей с той стороны. И какой идиот согласится туда пойти?

До этого стоявший неподвижно капрал Саймон сдвинулся с места.

– Я туда пойду, – с готовностью гаркнул он.

Глава первая, или Орел взмывает ввысь

*Полгода спустя,
Мексика, штат Керетаро,
Эсекьель-Монтес*

Меня зовут Никита Орлов. Ну, или Ник Орёл, но чаще просто – Орел. Сколько я себя помню, все называли меня Орлом. Кроме родителей и сестёр, конечно же. На самом деле я и сам так представлялся. И всё потому, что наша семья постоянно разъезжала по миру, и мы часто обзаводились новыми знакомствами. Поэтому когда нужно было как-то себя назвать, я говорил «орел» на языке той страны, в которой мы находились. Это слово универсальное и переводится на все языки: áгила, íгал, игури, орел, орзел, арол...

А вот с именем Никита всё куда сложнее. В лучшем случае меня звали просто Ник, в худшем Никитя или Никита и коверкали как кому вздумается, а меня это жутко раздражало. Поэтому просто – орёл.

Вот и сейчас, в Мексике меня называют Агила, что переводится как орёл. Да и нравится мне, как оно звучит. К тому же настоящее имя мне светить нельзя, так как я похитил сестёр из приюта и теперь мы скрываемся. И вообще, я веду не самую правильную и законопослушную жизнь. Чтобы выжить, я ворую.

Но так было не всегда. Раньше я бы никогда на такое не пошёл. И ещё три года назад, если бы мне кто-то сказал, что я буду жить в мексиканских трущобах, шарить по карманам богатых сеньоров, грабить их дома... Да я бы рассмеялся им в лицо! А будь у меня плохое настроение, ещё бы и в нос дал, тут как карта ляжет.

А сейчас я сидел в стареньком тонированном джипе вместе с Доминго и Карлосом напротив шикарной виллы и ждал, когда Карлос взломает систему охраны.

На эту самую виллу у нас имелись большие надежды, особенно у меня. Мы за ней наблюдали три месяца, там жил какой-то важный американец, которого каждое утро забирал навороченный скайер, а привозил поздним вечером. Наверняка у такого человека дома есть чем поживиться. Особые надежды я возлагал на сейф, который стоял у американца в кабинете. Сейф замечательно просматривался через окно, если влезть на одно из деревьев, что росли вокруг виллы, и посмотреть в бинокль.

Ну и даже если в сейфе ничего ценного не окажется, в доме и так достаточно дорогого барахла. Достаточно, чтоб я смог продать свою долю, сделать документы и поскорее свалить из этой гребаной дыры.

А пока мы ждали, когда Карлос наконец отключит систему, я ностальгировал, вспоминая свою прежнюю жизнь.

Да, тогда, три года назад, у меня были мечты и планы, беззаботная жизнь: яркий и шумный круговорот, похожий на бразильский карнавал. Путешествия, гастролы, новые знакомства и вечный праздник. Мои родители были артистами лучшего в мире циркового шоу, и я, к слову, да и Женька с Леркой тоже иногда выступали. Я с акробатическим составом, а девчонки в гимнастических постановках вместе с мамой.

С самого раннего детства я бредил магией. Смешно, даже я всерьёз мечтал стать магом, но затем лет в шесть узнал, что волшебства не существует. Тогда я испытал первое нешуточное разочарование в жизни, и причём – крайне болезненное. Ох, как же я рыдал!

Но это потом, сначала, правда, я не поверил. Мы на тот момент второй год гастролировали по Индии, а там все местные всерьёз верили в магию, как во что-то обыденное и само собой разумеющееся. Но отец оказался убедительней, а затем ещё и Арно, наш иллюзионист, которого я считал настоящим волшебником, подтвердил.

Я, переболев и немного успокоившись, опустил планку. Решил, что буду иллюзионистом. Это ведь тоже неплохо, пусть настоящего волшебства и не существует, но подарить это волшебство другим, заставить публику поверить в чудеса хотя бы на миг... Может, это и есть то самое волшебство, если ты в него веришь.

И тогда я пристал к Арно, заявив, что тоже намерен стать иллюзионистом. Пообещал ему быть самым послушным и прилежным учеником. И Арно не смог мне отказать. Так я начал свой путь к мечте и шёл по нему вполне успешно. Пока всё не пошло наперекосяк.

С того самого момента, когда скайер моих родителей взорвали. А потом ещё и обвинили моего отца – гражданина мира – в том, что он шпионил для русских спецслужб. Абсурд конечно же. Ну, какой из отца шпион? Он был светским человеком, публичной личностью, отдавался целиком и полностью любимому делу. Да и вообще, имел пацифистские взгляды. А тут вдруг шпион.

Но комиссия ООН, расследовавшая дело, нашла в его nano-сэде какую-то переписку с русскими. В общем, в деле о смерти моих родителей значится, что они погибли по вине русских спецслужб, которые якобы их сами и устранили. Российские власти, конечно, все опровергли.

Но нас это шокировало. Да и вообще, отец шестнадцать лет назад отказался от российского гражданства и русским был лишь в далёком прошлом. До того как весь цирковой состав «Волшебных иллюзий Рауля Берутти» не решил получить документ ООН, дающий право беспрепятственно пересекать границы любых стран. А ещё у них в тридцатые была мода отказываться от гражданства и вступать в членство граждан мира.

В общем, всё это привело к тому, что после смерти родителей нас отправили с сёстрами в мексиканский приют. А так как мы являлись апатридами и неплохо говорили по-испански, ещё и впарили это мексиканское гражданство, чтоб его! Знали бы, что незнание языка могло быть веским поводом для неоставления нас в этой жуткой стране, говорили бы только на английском или на русском. Но мы, к сожалению, не знали.

И угораздило же случиться всему этому именно в Мексике!

После смерти родителей жизнь стала похожа на затяжной кошмарный сон. Всё рухнуло в один миг, безвозвратно разбилось вдребезги.

Цирк был моей жизнью. Нашей жизнью. Мы были одной большой семьёй, по крайней мере, я всегда так считал.

И тем болезненней и обидней стало, когда после похорон за нами пришли мексиканские соцработники. А вся цирковая труппа, все, кого мы считали семьёй, трусливо попрятались и даже не вышли попрощаться. От нас отказались все. Даже Арис, даже Рауль, который был нам как дедушка. Нас все бросили, никто не хотел связываться с детьми шпиона.

Странно, но это потрясло меня больше, чем смерть родителей. Потому что родители нас не предавали, они просто умерли, а точнее – их убили.

А затем начался настоящий ад. До сих пор не могу вспоминать о приюте без содрогания. Скажу просто, хуже мексиканских приютов только мексиканские тюрьмы. И если о тюрьмах я знал только из рассказов Диего, то об ужасах, творившихся в мексиканских домах сирот, я знал не понаслышке.

– Ну что там? – нетерпеливо поинтересовался Диего.

– Ждём, – ответил Карлос, – программа пытается обойти защиту, минут пять займёт.

Диего раздражённо цокнул языком, нахмурился и, скрестив руки на груди, уставился в окно.

– Эй, – тихонько позвал меня Карлос, покосившись на Диего. – Вечером как? Празднуем? Можем завалиться в «Кактус на обочине».

– Рано праздновать, – оборвал его Диего, – ты сначала дело сделай.

Карлос посмотрел на него обиженно и отвернулся, уткнувшись в экран.

Через его плечо я заметил, что он открыл ещё одно окно на мониторе и листает новостную ленту.

– Смотри, – резко повернулся ко мне Карлос, показав монитор, – это фото Пенья-де-Берналь с дрона. Ребята из группы конспирологов запускали. Ты смотри! Ух, и военных туда нагнали. По-любому что-то мутное там. Всю деревню, гляди, забором обнесли.

Диего неодобрительно закачал головой, вздохнул и снова уставился в окно.

Я пожал плечами. Конспирологические взгляды Карлоса я не разделял.

– Там ведь радиоактивный астероид упал. Видимо, ликвидируют последствия, убирают обломки, – сказал я.

– Ага! Какой в задницу радиоактивный астероид? – оскорбился Карлос и смахнул с монитора фото. – Такого не бывает. Чушь для замыливания глаз простачкам. НЛО там упало, сто пудов! Полгода ликвидировать последствия? Да у них там что? Чернобыль? Бред, я тебе говорю. Невозможно. Нет, что-то там явно нечисто. В сети много информации. Местные много болтают, что, мол, после взрыва у всех кровь из носа шла, голова болела.

– Так, – ухмыльнулся я, – из-за радиации ведь.

– А вот и ни черта! Нет там никакой радиации. Парни из конспирологов делали вылазку, когда ещё территорию не обнесли забором, ходили с дозиметром. Нет радиации! Совсем!

Я закатил глаза. Спорить с ним бесполезно, да и не было у меня никакого желания. Старая тема. Карлос хоть и мой ровесник, но иногда кажется таким ребёнком с этими своими НЛО. Да ещё и всё время пытается меня убедить, а я же каждый раз пытаюсь его разубедить. Иногда наши споры достигают такого градуса, что кроме как дракой их нельзя закончить. Но сейчас точно не место и не время.

Диего, подумавший, видимо, о том же, мрачно взглянул на Карлоса и рывкнул:

– Хватит бредить! Делом займись.

Повисла тишина, а спустя минуту Карлос оживился:

– Готово, – тихо сказал он.

Мы переглянулись. Карлос продемонстрировал нам экран нано-сэда со столбцами бесвязных символов. Правда, ни я, ни Диего совершенно ничего там не понимали.

– Идём? – Диего напряжённо посмотрел на меня.

Я кивнул, натянул на лицо лыжную маску, которая оставляла открытыми только глаза, накинул капюшон и выскочил из джипа.

Второй этап нашего ограбления полностью зависел от меня. Карлос отключил систему охраны, я же должен сломать сигнализацию и вскрыть замки.

И времени у меня не так уж и много. Программа обнаружит внезапное отключение системы примерно через десять минут и перезагрузится. И если к тому моменту мы не отключим и не поставим блокиратор на сигнализацию, то сюда тут же нагрянет полиция.

Но я за это не переживал, у нас осечек ещё ни разу не было. Втроём мы составляли отличную команду: я и Карлос виртуозно взламывали электронную систему и механические замки, а Диего же являлся нашим организатором и головой каждой такой вылазки. Он был старше нас в два раза, крутился в преступных кругах, имел много полезных связей, всегда мог достать нужное оборудование. У нас всё отточено до автоматизма: скрупулёзная подготовка, долгие недели, а то и месяцы планирования и изучения объекта. Когда ты уже в сотый раз прокручиваешь в голове пошаговый план действий, то во время самого дела всё получается настолько легко и просто, что, кажется, будто ты это делаешь в сотый раз. Поэтому я не ощущал никакого страха, никаких неожиданностей, всё шло как по маслу.

Я подошёл к высоким воротам с острыми зубцами. Панель управления первой сигнализации находилась внутри, там, за каменной изгородью, высотой в два человеческих роста. Но для меня это едва ли преграда, не зря же я всю жизнь тренировался.

Подтянулся за прут железных ворот, оттолкнулся ногой от изгороди, сгруппировался, прогнулся, кувырок. И вот – я уже с обратной стороны варварски взламываю пластиковый корпус сигнализации, выдёргиваю провода с мясом и открываю ворота.

Дальше снова Карлос, он быстро заменяет сигнализацию на двойника, который временно изобразит сигнализацию прежнюю, правда ненадолго. Любая системная проверка – и двойник тут же выдаст себя.

Пока Карлос возился с сигнализацией, мы с Диего поспешили к дому. Я пока бежал, на автомате окинул взглядом камеры: одна у ворот, две на доме – под крышей и над входом. Камеры выключены, ни один датчик не горит, всё идёт как надо.

На входной двери два замка: один магнитный, другой сувальдный врезной, открывающийся с ключа. Магнитный вообще полная лажа, набор универсальных ключей может купить любой дурак в сети за две тысячи песо, хоть это и незаконно.

А вот обычный механический замок, особенно дорогой, весьма сложно устроен. И чтобы вскрыть его, потребуется время. Но у меня ловкие, тренированные пальцы фокусника, набор отмычек, сделанных под заказ, и немалый опыт взлома, поэтому и этот шестисувальдный замок я вскрыл за несколько минут. Щелчок. Сигнализация мерзко завизжала. Но это не страшно, система охраны отключена, сигнал о взломе передать не сможет. Разве что услышит кто-то из соседей, что тоже маловероятно, до ближайшего дома полмили.

Карлос протиснулся первым, разбил панель, вырубил верещащий аппарат.

Всё. У нас есть пятнадцать – двадцать минут, чтоб взять то, за чем мы пришли, и свалить.

Диего и Карлос начали осматривать дом, вооружившись пластиковыми мешками, я же прямиком бросился на второй этаж к сейфу. Ещё на лестнице достал из потайных карманов куртки тонкие отмычки. Я уже знал, что меня ждёт, успел разглядеть ещё месяц назад, когда мы запускали мини-коптер и заглядывали в окна виллы. И поднявшись в кабинет, я нисколько не удивился стандартному банковскому сейфу с двумя цилиндрическими замками по бокам дверцы.

Но сначала нужно просветить сейф на наличие электронных устройств. На сейфе тоже могла быть сигнализация.

– Агила! – послышался радостный голос Карлоса с первого этажа. – Да это джекпот! У гринго одной техники!.. Ты должен это увидеть! У него акировский видео-сэд. Да он же тысячу пятьдесят стоит! А у тебя там как?

– Работаю, – отозвался я и принялся просвечивать сейф.

И вот же зараза! Внутри слева на стенке высветился прибор. Наверняка это что-то вроде старого доброго автодозвона. Автономная система работает независимо от того, отключена охранная система или нет. Стоит только вставить в замочную скважину неоригинальный ключ, как прибор начнёт звонить хозяину. Чёрт!

Я принялся шарить по кабинету, ключи могут быть здесь. Несмотря на все эти многоуровневые системы безопасности, сами люди по этому поводу предпочитают не заморачиваться. И чем навороченней система, тем беспечней обладатели этой системы. Некоторые даже не закрывают сейф, однажды у нас и такое было.

Обычно ключи прячут в доме и с собой не носят никогда. Да и прячут их зачастую в самых банальных местах: в ящиках письменных столов, в прикроватных тумбочках, под матрасами, засовывают под ковёр или под цветочный горшок, просто закидывают на высокие шкафы.

Наверняка и наш гринго спрятал ключ где-то здесь.

Я упорно принялся искать ключи. Конечно, я мог бросить этот сейф и пойти помогать Карлосу и Диего, и возможно, я терял время. Вероятно, в сейфе не окажется ничего ценного, но я не мог сдаться. Я чувствовал, что там будет то, что изменит мою жизнь и поможет мне с сёстрами навсегда уехать отсюда.

– Эй, – мимо кабинета проходил Диего и торопливо сказал: – Давай скорее, ещё десять минут и сваливаем.

Я кивнул и продолжил напряжённо шарить по ящикам.

– Что, не сможешь открыть?

– Смогу, – возразил я, заглянув под кадку с пальмой, – сейчас, только найду ключ.

– Ник, – Диего неодобрительно покачал головой. – Нет времени. Бросай. Поищи что-то другое.

Я не слушал. Взгляд наткнулся на картину с лесным пейзажем в тяжёлой старинной раме. Точно! Картина!

Переметнулся к стене, аккуратно приподнял картину, заглянул в образовавшуюся щель между рамой и стеной. И вот же – ключ! Висит на крючке за картиной. Правда, только один, и не совсем понятно от левого замка он или от правого. Где же второй?

Второй нашёлся через пять минут здесь же в кабинете, на полке с какими-то сувенирами и статуэтками. Ключ лежал под фигуркой слона.

– Агила, уходим! – крикнул снизу Диего.

– Иду, – отозвался я. – Ещё минута.

Я решил рискнуть, даже если ошибусь с ключом и защита оповестит владельца, мы успеем уехать.

Вставил ключ в замок. Он не проворачивался. Дьявол! Не угадал. А теперь нужно и впрямь поторопливаться. Я быстро вытащил ключ, переставил в другую замочную скважину...

Где-то вдалеке послышался вой полицейских сирен. Сначала даже решил, что мне просто показалось. Нет, так быстро бы они не успели среагировать, но вой нарастал.

– Уходим! – не своим голосом крикнул Диего.

– Агила! Быстро! – крикнул пробегающий мимо Карлос.

Я уже открыл сейф, повернул ручку – распахнул...

Внизу хлопнула дверь, Диего и Карлос ушли. Мне тоже следовало убираться. Но я, как идиот, сидел на полу и таращился на то, что находилось в сейфе: какие-то бумажки, документы, бокс с видеочипами, фотографии – чёрное пятно на стене – хрень какая-то. И ничего, совершенно ничего ценного. Ни драгоценностей, ни золотых слитков, ни денег. Даже завалящей кредитной карты или ключа от банковской ячейки не было. Такое чувство меня охватило – тоска и разочарование, – будто на голову вылили ведро холодной воды.

Сирены приближались. Я взял себя в руки и быстро рванул вниз. Ещё на лестнице услышал, как, взвизгнув тормозами, сорвался с места наш джип.

Да вашу ж мать! Но этого и следовало ожидать, мы это обсуждали много раз. Лучше схватят одного, чем всех.

Когда я добежал до выхода, чёрные полицейские скайеры уже приземлялись на зелёную лужайку перед виллой. Через парадный вход теперь не уйти.

Я рванул к чёрному выходу, там бассейн, а дальше изгородь. Перемахну через неё и уйду, затерявшись среди деревьев. Но и с обратной стороны уже кружили полицейские скайеры.

– Да чтоб вас пумы сожрали! – выругался я и опрометью бросился на второй этаж. Спрячусь, что-нибудь придумаю, но так просто им в руки не дамся. В тюрьму, тем более мексиканскую, жуть как не хотелось.

– Это полиция! Всем бросить оружие и лечь на пол! – заорали внизу.

Ага, сейчас! Разогнался. Да и нет у меня никакого оружия, разве что отмычкой могу пырнуть.

Я влетел в первую попавшуюся комнату, это оказалась спальня, здесь царил бардак, всё перевернуто и разбросано. Парни спешили, и было не до церемоний.

По лестнице уже грохотали тяжёлые шаги. Я попробовал открыть окно, но внизу, крадучись, шли полицейские, окружая дом. Когда один из них начал поднимать голову, я отпрянул от окна. Заметил? Нет?

Нужно прятаться. Первое, что пришло на ум – залезть под кровать. Но я тут же отверг эту мысль, не самая удачная идея, здесь меня начнут искать в первую очередь. Взгляд наткнулся на приоткрытую дверцу гардероба. А здесь можно попробовать спрятаться.

Я скользнул в гардероб, бесшумно задвинул за собой дверцу. Верхнюю полку заприметил сразу, ещё когда дверь была открыта – узковатая, под самым потолком, но я должен протиснуться. На этой полке меня вряд ли станут искать. Там стояли какие-то коробки, я их аккуратно снял, две оставил, прикрыться.

Полицейские уже были везде, я слышал их переключки за стеной, слышал топот. В спальне скрипнула дверь. Сердце в груди забилося быстрее, не то чтобы страх, просто подскочил адреналин.

Ухватившись за вешалку с костюмами, я подтянулся, тихо уткнулся ногами в стену, затем перенёс руки на дверцу шкафа – лишь бы только не вывалилась – и аккуратно пополз вверх, к полке.

В комнату вошли полицейские, судя по шагам – двое.

– Под кроватью глянь, – сказал один из них.

Я мысленно усмехнулся. Правда, улыбка получилась скорее истерическая, я чувствовал себя загнанным в угол. И теперь отчётливо понимал, что сердце ухает не только из-за подскокшего адреналина, я не хотел в тюрьму. Мне нельзя – у меня Лера с Женькой. Они ж без меня пропадут.

Спокойнее! Я сделал глубокий вдох, волнение сейчас ни к чему. Копы вот-вот заглянут в гардеробную, а я ещё под потолком вишу.

Сначала осторожно переместил руку, потом ногу и втиснулся на полку, прикрывшись коробкой, вторую поставить уже не успел. Дверь в гардеробную резко раздвинули.

Я вжался в стену, левую руку и ногу поджал под себя так, что чуть ли не сложился книжкой напополам. Полицейский шарил по стенке, пытаясь отыскать выключатель. Раздался щелчок, зажёгся свет, ударив в глаза. Я зажмурился, застыл и затаил дыхание. Эти десять секунд, которые коп рыскал среди вешалок с одеждой, показались долгими часами. Когда он начал шелестеть одеждой прямо подо мной, я и вовсе буквально слился с полкой, став её частью, по крайней мере, мне так казалось.

– Никого! – крикнул он.

– И здесь чисто, – отозвался второй. – Успели, похоже, уйти.

Полицейский вышел из гардеробной, дверцу не задвинул, свет не выключил. Ну и чёрт с ним, я радовался, что они уходят и, наконец, могу вдохнуть полной грудью.

И этот вздох оказался для меня роковым. Полка тихонько скрипнула, крепление не выдержало, раздался треск, и я с грохотом рухнул вниз прямиком на кучу обувных коробок.

Ё-моё! Это же надо, чтоб так не везло-то!

У меня оставался один вариант: ломиться с разбегу в окно и бежать что есть мочи, надеясь на свою ловкость и проворность. Но копы оказались быстрее. Когда я поднялся на ноги, на меня уже смотрели два нацеленных пистолета и две торжествующие мексиканские рожи.

– Hola, idiota! – усмехнулся один из копов.

– Сам придунок, – огрызнулся я по-русски, вставая и потирая ушибленный бок.

Глава вторая, или Орёл попадает в силки

Я тоскливо глядел в окно взлетающего с зелёной лужайки скайера. Ярко-красная крыша виллы мелькнула и исчезла. Настроение было паршивое, болели рёбра от полицейских дубинок, но я не мог ещё раз не попытаться удрать. Несопrotивление целесообразно только тогда, когда ты невиновен либо тебе светит небольшой срок. Но в моём же случае попытка бегства при задержании особой роли уже не сыграет.

Я ощущал попеременно, как на меня накатывает то злость, то отчаяние. А ведь всё было так хорошо. Я ведь был почти у цели. Я уже мысленно распрощался с Мексикой и на всех парах мчал с сёстрами в Россию.

А всё этот проклятый сейф. Ну и на кой чёрт он мне сдался? Будто осёл упёрся в него. А ещё это дурацкое ощущение – как будто я точно знал, что там мешок бриллиантов, не меньше. А там пшик! Бумажки и фотографии эти. До сих пор картинка стоит перед глазами – чёрное пятно смолы на сером камне. Жуткие эти фотографии, если честно, было в них что-то такое, отчего у меня волосы на руках и затылке ершили. И почему этот американец хранит их в сейфе? Наверное, он просто больной на голову...

С двух сторон меня подпирали плечами полицейские, от одного из них, того, что постарше и с густыми усами, резко несло чесночным амбре, и я старался не поворачиваться в его сторону. Второй, молодой и подтянутый, в тёмных солнечных очках, похоже, возомнил себя крутым суровым полисменом, который даже в полумрачной кабине скайера не смеет снять очки, чтобы не разрушить образ крутости.

Руки ныли, вместо обычных наручников на запястьях стянули пластиковый хомут, и стянули так сильно, что не пошевелить, не провернуть. В пальцах покалывало, они потихоньку немели, приобретая голубоватый оттенок.

– Сеньор полисмен, – обратился я к тому, что в очках, протянув посиневшие руки. – Можно ослабить немного.

Коп недовольно скривился, хмыкнул и отвернулся, будто не услышал мою просьбу. Скотина. Я едва сдержался, чтоб не зарядить ему по морде этими самыми руками.

Второй коп, чесночный, легонько толкнул меня в бок, и снисходительно предложил:

– Давай, немного ослаблю.

Я с готовностью протянул ему руки. Любитель чеснока, пока ослаблял хомут, с интересом поглядывал на меня, усмехаясь в пышные усы. Я догадался, хочет что-то сказать. И судя по полному сочувствия взгляду, будет уму-разуму учить.

– И как же тебя так угораздило? – осуждающе покачал головой полицейский. – Эх, жаль тебя, идиота. Молодой ведь совсем. Сколько тебе? Двадцать? Двадцать два?

Я не ответил, лишь не без гордости подумал, что коп решил, будто я старше, чем есть на самом деле. А так мне девятнадцать лишь в октябре стукнет.

– У меня сын такой, как ты, – вздохнул полисмен. – Жить бы тебе в удовольствие, работать честно, веселиться, девчонок тискать. А теперь загремишь за решётку, здесь даже думать нечего. И зачем ты только полез в дом этого сеньора? Он же американский профессор, уважаемый человек, за ним правительство, президент! – коп многозначительно вскинул указательный палец. – Вляпался, ты, короче, амиго, по-крупному.

Ну вот, а я всё думал: где же мы промахнулись? Почему полиция приехала через секунду после того, как я вставил ключ? Нет же – это явно не из-за сейфа с автодозвоном, где-то ещё что-то было. Что-то, что мы упустили из виду. А теперь всё стало ясно. Диего плохо проверил этого богатенького гринго, а он оказался американским профессором, да ещё и связанным с правительством. Ну и, конечно, спецслужбы за ним приглядывали и наверняка и за его домом

тоже. Скорее всего, вилла утыкана жучками и скрытыми камерами. Да что же мне так неведёт-то!

Чувство, будто я падаю с обрыва в пропасть, ощущалось настолько явственно, что у меня голова пошла кругом.

И как теперь? Я ведь надеялся, что получится выкрутиться.

Я рассчитывал на Диего, у него имеются связи в нужных кругах. В конце концов, мы не были одиночками, здесь это невозможно и небезопасно. За нами стояли серьёзные люди, которым мы отдавали часть прибыли, и поэтому нас никто не трогал. Я очень на них надеялся. А теперь мои надежды стремительно испарялись, как пролитая на горячий песок текила.

Теперь мне никто не поможет. Мафия не пойдёт против правительства ради какого-то сироты-циркача. И даже первая мысль – подкупить копов, ни для кого не секрет, что здесь они большие охотники до взяток, – разбилась вдребезги. У меня не хватит денег, чтобы откупиться от президента.

Весь остальной путь к полицейскому участку я провёл, хмуро глядя через окно скайера на распластавшиеся внизу, будто черепахи на солнце, дома.

Тревожные мысли крутились в голове. Нет, я не переживал о том, что попаду в тюрьму. Плевать, этого я не боялся. Я весьма изворотливый и смекалистый – не пропаду и в тюрьме. А вот как девчонки будут без меня? Кто о них позаботится? Отдадут ли Карлос и Диего им мою долю? Мы этот вопрос никогда не обсуждали. Да, наверное, никто из нас даже такой мысли допустить не мог, что выйдет осечка.

Вообще, что в Карлосе, что в Диего я был уверен. Они меня не кинут. Без Диего так мы вообще бы не выжили. Именно он приютил нас, когда мы почти два месяца скитались по улицам и натурально голодали. Конечно, большую роль сыграли мои способности щипача, которые Диего так впечатлили, что он сразу взял меня в оборот.

Он же помог нам с новыми документами, с жильём. Оставалось надеяться, что и теперь он не бросит.

В участок мы прибыли довольно быстро. Мне отсканировали сетчатку глаз, взяли скан отпечатков пальцев, сфотографировали, а после обыскали и нашли, заразы, в моих потайных карманах отмычки. У меня теплилась надежда, что хоть те, которые спрятаны в швах штанов, не найдут, но полицейский, будто прочитав мои мысли, притащил металлодетектор, и у меня отобрали всё.

Затем запихнули в маленькую тесную камеру: всего четыре койки, хотя заключённых вместе со мной уже было пятеро. Да, здесь было весьма людно, душно и воняло потом и мочой. У входа прямо на полу сидел пацан, весь в татуировках и даже на лице какие-то надписи и узоры, я сильно не вглядывался, потому что этот тип смотрел на меня с таким дерзким вызовом, что ещё секунда, и он сорвётся с места, накинувшись на меня с кулаками. От него так и жгло агрессией и злобой, но настроение у меня было едва ли боевое. Да и драку ради драки я не понимал, хотя и был уверен, что этого татуированного уложу с одного удара. На одной из нижних коек развалился тучный усатый мужик в расстёгнутой яркой цветастой рубашке. Рядом с ним сидел ещё один, его полная противоположность: тощий, кости и вены выпирают из-под сухощавой коричневой кожи, лицо в глубоких морщинах, взгляд безразличный и усталый. И последний – старик: грязный в драной одежде, очевидно, бездомный, он дрых прямо на полу, как-то неуместно свернувшись калачиком и подложив руки под щеку.

Мои временные сокамерники, кроме спящего старика, с интересом уставились на меня. Я изобразил простачка, поздоровался с ними по-французски, спросил, знает ли здесь кто-нибудь французский. К счастью, мне не ответили, на то и был расчёт, лучше притвориться иностранцем. Разговаривать сейчас ни с кем не хотелось.

Я переступил через спящего старика и разместился в самом тёмном углу камеры. В общем-то, три койки были свободны, и я мог занять одну из них, но глядя на грязные, заса-

ленные, вонючие матрасы, желание к ним прикоснуться сразу отпало. И я решил, что лучше уж сидеть на голом полу в тёмном углу. Сейчас мне хотелось спрятаться от всего мира, особенно от настойчиво-сверлящего взгляда татуированного.

– Эй, амиго, – злобно сверкнув золотым передним зубом, позвал татуированный. – Курить есть?

Я сделал вид, что не понимаю, о чём речь.

Татуированный поднялся на ноги, оживился толстый мужик на койке, привстал на локтях, сверкнув глазами в предвкушении драки.

– Ты что, глухой? Сигареты есть?

Он начал медленно подходить.

Я начал вставать, татуированный, видимо, так просто не отстанет.

– Отвали, – сказал я по-испански, настроения шутить больше не осталось. – Я не курю и тебе не советую.

Татуированный нарочито-удивлённо округлил глаза.

– Слышал, Пабло, как заговорил этот марикон.

Зря он обзывался. Долго это терпеть я не собирался, едва качнувшись, резко сделал прямой выпад, втащив ему по подбородку, и татуированный, окинув меня растерянным взглядом, рухнул на пол. Старик, возле которого и упал татуированный, проснувшись, встрепенулся, удивлённо окинул нас безумным взглядом и, качая головой, что-то бормоча, уполз в другой конец камеры, улёгся там и замолк.

Жирдяй и тощий продолжали смотреть на меня. Я вопросительно вскинул брови.

– Зря ты его вырубил, – вдруг весело усмехнувшись, сказал жирдяй, приглаживая усы, и снова завалился на койку.

Тощий в подтверждение закивал, а затем добавил мрачным голосом:

– Зря, точно зря. Теперь Хуан тебе ночью горло перережет.

– Пусть только попробует, – буркнул я и сел обратно.

Это мы уже проходили ещё в приюте. Хесус со своими псами с завидной регулярностью устраивали мне ночные экзекуции. И я даже не сомневался, что он может учудить нечто подобное. Ну не прирезать, конечно, как бы он сюда пронёс оружие? Но что-то близкое к этому – вполне. Только одного я не понимал, к чему это всё было? Показать свой авторитет? Зачем?

Скорее всего, уже сегодня мне выдвинут обвинения и переведут в центр предварительного заключения. Скучно им здесь, что ли?

Я несколько часов просидел в своём углу, больше никто меня не трогал. Только татуированный, очухавшись, что-то вякнул и уполз к входу. Оттуда он то и дело злобно зыркал, но я уже не обращал на него внимание.

Всё это время я думал о Женьке с Лерой. Теперь копы наверняка пробьют меня по базе и все выяснят. Нет, девчонок они вряд ли так быстро и просто смогут найти. Мы живём в доме покойной матери Диего. Девчонки красят светло-русые волосы в чёрный цвет, носят карие линзы, их светлая кожа давно стало смуглой от жарких лучей мексиканского солнца, и теперь весьма сложно отличить их от местных деревенских девиц. К тому же в их биометрических свидетельствах, на которые я потратил немало денег, значится, что Лаура и Эмилия Дельгадо родились в Мексике, что Диего их отец, а мать умерла шесть лет назад. Документы выглядят идеально, если не пробивать их по базе, но вряд ли кому-то придёт это в голову.

Главное, чтоб не взяли Диего и Карлоса, тогда вся наша конспирация рухнет и моих сестёр снова отправят в приют. Этого я боялся больше всего. Лерка может вообще не выдержат, она до сих пор не отошла от того случая. А от мысли, что то же самое может случиться с Женей, меня от злости начинало колотить. Даже несмотря на то, что прошло почти два года, я не мог спокойно вспоминать лицо Леры в тот день. Застывшие слёзы, безразличный потухший взгляд.

– Тебя обижали?

– Нет, – говорила она, а мне явственно слышалось да.

– Кто?

– Никто...

Слёзы задрожали в зелёных глазах сестры.

– Это Хесус?! Это он со своими шавками?!

Лера замотала головой, уткнулась лицом в ладони, затряслась в беззвучном плаче. Только сейчас я увидел синяки на её тонких запястьях, на ногах чуть выше колен, подол цветастого платья надорван, злость затмила разум.

Я знал, что никому до этого нет дела. Никто не заступится, и никто не поможет. Без толку кому-то жаловаться, добиваться справедливости. Обычно от этого становится только хуже. Ни воспитатели, которые и сами охотно применяли физическую силу, ни власти, которым вообще на нас плевать, пока жестокость не станет достоянием общественности, никто бы нам не помог.

Поэтому я всё сделал сам. Хесус и его друзья теперь навсегда запомнят мой дивный кислотный дождь, который я оставил им напоследок в ту ночь, когда мы бежали из приюта.

– Эй, идём, – окликнул меня полицейский, замок на решётке щёлкнул.

Меня привели в кабинет следователя, здесь было накурено и душно, как и во всём полицейском участке, старый кондиционер не охлаждал воздух, а рыча, исторгал горячий уличный жар.

За столом сидел с кислой миной следователь. Всё происходящее ему явно не нравилось, создавалось впечатление, будто его оторвали от просмотра долгожданного футбольного матча и заставили чистить помойную яму.

Он с ходу завалил меня однообразными вопросами: имя, год рождения, где проживаю, зачем залез в дом уважаемого сеньора Джонсона, где мои сообщники? Я отвечал одно и то же, строго придерживаясь легенды. Хотя и понимал, насколько это глупо и абсурдно. Наверняка меня уже пробили по базе, и следователь и так прекрасно знает, кто я такой, но вот в остальном...

Я уже в который раз выдавал одну и ту же информацию:

– Мигель Мария Альварес, родился шестнадцатого февраля, в тридцать восьмом году, в Тьера Нуэва штата Потоси. Переехал в Керетаро год назад, работаю на мебельной фабрике.

Кстати, я там и вправду работал, и именно под именем Мигеля Альвареса. Ну, когда не грабил дома и не воровал. Но на фабрике платили так мало, что этого едва ли хватало, чтоб прокормиться самому, не говоря уже о сёстрах.

На вопросы об ограблении я отказался отвечать без адвоката. Следователь глядел на меня тоскливо и заново начинал задавать вопросы. Но я продолжал стоять на своём, выбора особого у меня не было.

А потом мне надоело отвечать по третьему кругу на одни и те же вопросы, и я, в последний раз сказав, что говорить без адвоката не буду, замолк и больше никак не реагировал. Следователь взбесился: орал, угрожал, а я продолжал сидеть, с видом человека, одолеваемого смертельной скукой, и то и дело зевать.

– Ну, молчи, молчи, – свирепо раздувая широкие мясистые ноздри, выкрикнул следователь, – всё равно тебе не отвертеться.

Я устало прикрыл глаза и снова зевнул.

– Пошёл вон! – выкрикнул он, и меня снова отвели в камеру.

Время близилось к вечеру. Нас по одному сводили в уборную, выдали одноразовые миски с серой плохо пахнущей массой. Я к ней даже не притронулся.

А затем выключили свет, оставив лишь тусклую лампу в коридоре. Вроде как спать положено. Нижнюю койку по-прежнему занимал жирный, костлявый теперь залез на верхнюю и

дремал. Старик сидел на полу и с аппетитом уплетал серую массу, а татуированный сидел теперь в моём укромном уголке, тварь.

Но я сделал вид, что не заметил этого, и сел у стены неподалёку от старика.

– Будешь? – старик кивнул на мою тарелку, я отрицательно махнул головой и улёгся на холодный пол, подложив руку под голову, на грязные койки я лезть так и не рискнул, а на пол была хоть какая-то надежда, что его изредка мыли.

– Я возьму, – снова сказал старик.

– Бери, – вздохнул я.

– Облезешь, – резко вскочив с места, сказал татуированный и выхватил тарелку из рук старика. Не, ну ни тварь ли?

– Тебе не разрешал, – с нажимом сказал я.

Татуированный гадко ухмыльнулся и, набрав в ложку побольше, нарочито запихнул в рот и мерзко принялся чавкать. Мало, видимо, ему первого раза было.

Ещё секунду назад я лежал на полу и вот, придерживаясь рукой за решётку, бью эту свинью в челюсть с ноги.

«Лишь бы не убить», – запоздало думаю я. Тарелка с едой вылетает у него из рук, разбрасывая серую массу по всей камере. Татуированный, громко клацнув челюстью, летит в стену.

– Айя! Марико-о-он! – завывает он. Кровь течёт у него изо рта по подбородку, он хватается за голову обеими руками, будто голова у него раскололась надвое и только так он сможет удержать в черепушке остатки вытекающих мозгов.

– Убью суку! – заорал он и бросился на меня.

На скорость и реакцию мне грех жаловаться. Я, молниеносно присев, подсечкой сбил его с ног. Татуированный завалился на бок.

Позади громко загрохотал дубинкой по решётке и принялся ругаться коп:

– А ну, заткнулись все! Что вы здесь устроили, собаки?

Все молчали. Только татуированный, утирая кровь с лица, бормотал ругательства.

– Ещё раз услышу, всех прикую к койкам! – заявил полицейский, ещё раз грохнул дубиной и ушёл.

Когда шаги полицейского стихли, жирдяй встал со скамейки, расплылся в улыбке и с восхищением уставился на меня:

– Ты что? Из этих? – спросил он, раскинув руки в стороны, как будто собирался меня обнять.

– Из кого из этих? – нахмурившись, спросил я и на всякий случай сделал шаг назад.

Восхищение на его лице переросло в восторг, граничащий с идиотизмом:

– Ну, эти! Ниндзя! Карате! Айкидо! Кунг-фу!

– Нет, – отчеканил я, – ничего из перечисленного.

Жирдяй разочарованно уставился на меня, явно ожидая пояснений.

Татуированный тем временем, отплёвываясь, на четвереньках уполз в тёмный угол.

– Зарядку по утрам просто делаю. Регулярно, – объяснил я и сел обратно к старику.

Жирдяй вздохнул разочарованно и улёгся обратно. В камере стало тихо.

Я тоже лёг, хотя и не собирался спать. Да и вряд ли бы вышло. Там татуированный из угла злобно зыркает, да и в голове ворох тревожных, тяжёлых мыслей, терзающих мой бедный разум. Только успокою одну, договорюсь с ней, что всё будет хорошо, как-нибудь обязательно выкрутимся, как тут же врывается другая и снова начинает вопить: «Это глубокая, беспросветная задница! Это конец! Спасайся кто может!»

Иногда я тоскливо поглядывал на замок решётки, думал, что будь у меня хоть одна отмычка, хоть завалящая скрепка, я бы попробовал сбежать. Но это так, фантазии. Если размышлять логично, то ничего бы у меня не вышло. Замок, может быть, я бы и вскрыл, а вот

далее – выбраться из полицейского участка, где куча вооружённых копов, – это вряд ли. Всё-таки жаль, что я не ниндзя.

* * *

Утром меня снова вызвал следователь, и снова на допрос. Теперь меня привели не в кабинет, а в комнату, предназначенную именно для допросов и опознания. Здесь было огромное зеркало в полстены, нетрудно догадаться, что с обратной стороны за нами кто-то наблюдал. Ещё меня приятно удивило, что в этом помещении кондиционер работал исправно и, наконец, можно было хоть немного передохнуть от жары. Я сощурился, глаза заслезились. После полумрачного коридора яркий свет лампы под потолком больно бил по глазам. Хотелось протереть глаза, но наручники плотно сжимали запястья за спиной. К счастью, с меня их сняли, прежде чем усадить за стол напротив следователя. Я тут же принялся тереть глаза.

– Имя, – не глядя на меня, сказал следователь, что-то увлечённо изучая на экране нано-сэда.

– Мигель Мария Альварес, – отчеканил я. Хотя в этом уже на самом деле не было никакого смысла, наверняка по отпечаткам меня уже успели пробить.

Следователь задумчиво кивнул и снова что-то принялся изучать.

– Мигель Мария Альварес, – мрачно повторил он.

Я вздохнул, скучаясь окинул взглядом серые стены комнаты, посмотрел в зеркало. Кто же там?

– Скан-экспертиза показала другие данные. Ни-ки-та Бог-да-но-вич Орь-лов, – по слогам прочитал он с экрана и поднял на меня изучающий взгляд.

Я отрицательно мотнул головой:

– Странное имя какое-то... Впервые слышу.

Следователь устало вздохнул и продолжил:

– Разыскивается по подозрению в похищении несовершеннолетних воспитанниц приюта «Alas de angel» Валерии Орьловой и Евгении Орьловой.

Я не отвечал. Смотрел ему в глаза с непроницаемым лицом, думая о том, как там сейчас девочки и что сказал им Диего по поводу того, что я не вернусь.

– Покушение на жизнь и нанесение увечий различной степени тяжести воспитанникам приюта для сирот «Alas de angel»: Хесуса Моциа, Хуана Паулино...

Он перечислял их имена, а я чувствовал, как на меня тёплой волной накатывает удовлетворение. Я всё думал, а вдруг мой план не выгорел, вдруг шары не взорвались, вентилятор не заработал и я всё неправильно рассчитал. Тогда бы вышло, что Лера осталась без отмщения.

А оно нет, сработало. Эти мрази получили по заслугам, правда, их и убить мало за то, что они сделали. А теперь я ясно видел, как Хесус открывает дверь в их комнату, как они заходят, включают свет и висящий под потолком вентилятор начинает крутиться, шары лопаются об спицы, и кислота летит им в лицо, на руки, в глаза.

Голос следователя грубо ворвался в мою фантазию:

– А теперь ещё обвиняется в незаконном проникновении со взломом на территорию частной собственности, а также в хищении имущества из дома сеньора Джонсона. В подделке документов, а также вы подозреваетесь в восьми ограблениях на территории штата Керетаро и шести в штате Потоси.

Я молчал, его слова доносились до меня будто через стекло. Словно это я сейчас стоял с той стороны зеркала и наблюдал за каким-то незнакомым парнем, и это вовсе не меня, а его во всём обвиняли.

– Что скажете, сеньор Орьлов? При обыске у вас обнаружили отмычки для взлома в количестве шестнадцати штук, вас нашли на месте ограбления. Все улики против вас. Сознаетесь

во всём, сдадите сообщников, срок по ограблению будет меньше. И сообщить, где вы прячете сестёр, тоже придётся.

Я долго смотрел на него, изображая мыслительную деятельность. Но здесь и думать не о чем, поэтому я сказал:

– Мне положен защитник. Где мой адвокат? Я хочу позвонить.

На самом деле нет у меня никакого адвоката, да и звонить было рискованно. Но я всё же решил, что нужно связаться с Диего.

– Хорошо, – как-то слишком легко согласился следователь.

Несмотря на то, что право на звонок закреплено в конституции, все прекрасно знали, как на самом деле соблюдаются эти законы полицией. Они должны были дать мне позвонить ещё вчера, но, конечно, никто об этом даже не подумал.

– Вы можете связаться с родственниками или друзьями. И да, ваш адвокат уже здесь, ожидает.

Я изумился. Неужели Диего так быстро подсуелся? Или мне назначили бесплатного защитника? В последнем случае толку от такого адвоката мало, но и всё же это лучше, чем ничего. По крайней мере, узнаю, как обстоят мои дела.

Следователь ушёл. В комнату втиснулся совершенно лысый, невысокий, щуплый мужчина. Он был в костюме, явно не из дешёвых, взгляд цепкий, хитрый прищур за тонкой золотой оправой очков. А ещё адвокат совершенно не походил на мексиканца. Бледный, остроносый, сероглазый. Также он не очень-то походил на бесплатного адвоката, ни на того, которого мог мне найти Диего.

– Здравствуйтесь, господин Орлов, – по-английски сказал адвокат, протянув мне руку. – Меня зовут Уильям Барнс, я представляю интересы мистера Джонсона.

Я отёрнул протянутую для рукопожатия руку от руки адвоката. Ну, теперь понятно, этот даже не мой адвокат.

– Я не буду с вами говорить, – отчеканил я.

– Очень зря, – сказал Барнс и бесцеремонно уселся напротив. – Мистер Джонсон сам настоял, чтоб я вас защищал.

Я вопросительно уставился на него.

– Я хоть и представляю интересы мистера Джонсона, – принялся он объяснять, – но они едва ли относятся к делу об ограблении. Но об этом позже. Я на данный момент единственный человек, который может вам помочь избежать тюрьмы.

Я непонимающе вглядывался в непроницаемое строгое лицо Барнса и никак не мог понять, в чём здесь подвох. Это всё выглядело ну очень уж подозрительно. С чего это вдруг Джонсону приспичило прислать мне своего адвоката и вообще помогать?

– А если по делу, ваши дела обстоят хуже некуда. Ваших сообщников задержали ещё вчера. В их автомобиле обнаружили всё похищенное у мистера Джонсона имущество. Карлос Диес, Доминго Дельгадо. Верно?

Эта новость обрушилась на меня будто громадная гора, вот-вот норовящая раздавить и растереть в труху. Всё кончено.

– Нет, не может быть, – будто во сне пробормотал я, сам испугавшись собственного голоса.

Я глупо улыбался и мотал головой, а Барнс, скрестив пальцы, с хладнокровным спокойствием смотрел на меня.

– И тем не менее это так, – сказал он и положил передо мной узкий монитор нано-сэда. – Узнаёте это фото?

Я снова глядел на то смоляное пятно, которое уже видел в сейфе на вилле Джонсона.

Я не ответил.

– Вы знаете, что это?

Я отрицательно качнул головой.

– Ладно, спрошу прямо: мистер Орлов, вы проникли в дом мистера Джонсона с целью хищения секретной информации для русских спецслужб?

Этот вопрос был таким неожиданным и абсурдным, что я не удержался и захохотал на всю комнату.

– Что? Спецслужбы? Русский шпион? – продолжая смеяться, переспросил я. – Да вы с ума сошли?

Барнс удовлетворенно закивал, убрав монитор в папку.

Я же не мог успокоиться. Что-то здесь было не так. Какого чёрта адвокат спрашивает меня о таких вещах? Вывод один – никакой это не адвокат.

– Мы должны были проверить, – сказал Барнс, а это его «мы» очень многое мне о нём сказало. Передо мной сотрудник спецслужбы Соединённых Штатов. И, похоже, я вляпался во что-то крупнее грозящего тюремного заключения.

Барнс продолжил разъяснять:

– Ваш отец Богдан Орлов в общей базе числится как русский шпион, и возможно...

– Это неправда! – перебил его я. – Мой отец был артистом, гражданином мира, политика его совершенно не интересовала. И убили его американские спецслужбы по ошибке. Он не был шпионом!

Барнс ждал, когда мой поток возмущений иссякнет, с завидной выдержкой и спокойствием, а когда я замолчал, продолжил:

– В вашем личном деле значится, что вы владеете двенадцатью языками. Это так?

Я ещё пылал от негодования, но этот вопрос совершенно выбил меня из колеи.

– Это здесь при чём?

– Просто ответьте.

– Нет, – солгал я.

На самом деле я говорил на шестнадцати языках и только на восьми из них свободно. Мы много путешествовали, в некоторых странах гастролировали годами, а так как раньше я был парнем компанейским и общительным, мне хватало полугода общения с местными, чтоб выучить язык более или менее сносно. Да и языки мне давались легко. Если ты уже знаешь несколько языков, то начинаешь замечать, что многие слова чем-то между собой похожи, имеют общие корни или звучат очень похоже. Но мне всё равно было непонятно, куда ведёт Барнс. Неужели знание языков автоматически делает из меня шпиона?

– А у меня другая информация, – Барнс снова достал монитор. – Например, педагог из приюта «*Alas de angel*» Лючия Париэнтес в вашей личной характеристике очень вас хвалит, считает чуть ли не гением. А вот рекомендательное письмо, которое она отправляла в Национальный автономный университет. Здесь она утверждает, что именно вы должны претендовать на государственную стипендию и бюджетное место, так как владеете двенадцатью иностранными языками, являетесь весьма способным учеником и обладаете покладистым характером. Это если кратко. Судя по письму, эта сеньора от вас в восторге.

Я грустно улыбнулся. Ах, бедная сеньора Париэнтес, она всерьёз считала, что из меня может что-то выйти. Наверное, это единственный человек в приюте, о котором я мог вспоминать с теплотой. Добрая, тихая женщина, слишком впечатлительная и ранимая, эта работа ей едва ли подходила.

Но она слишком переоценивала мои знания. Я мог свободно говорить на хинди или японском, но читать на этих языках я совершенно не умел, да что там, я даже символов не знал. Более или менее сносно я понимал латинские буквы и кириллицу, но если говорить о грамматике, то здесь туши свет. Здесь – без прикрас – я жутко безграмотен и ни слова не напишу без ошибок на любом известном мне языке.

– У вас хорошая физическая подготовка, – утвердительно заявил Барнс. – Сколько вы занимались цирковой акробатикой?

– Всю жизнь, – я бездумно уставился на монитор в руках Барнса. Неужели там, в этой штуке у него и вправду всё обо мне.

– Я не шпион, – я посмотрел ему в глаза.

– Я знаю, – спокойно ответил он. – Но с вашими данными вы могли бы им стать. Отмычки, которые у вас нашли... Вы и вправду ими вскрыли все замки в доме Джонсона?

Я не стал отвечать. Мне совсем не нравилось, куда вёл этот якобы адвокат.

– Что вам нужно? – я резко подался вперёд, зло уставившись на него.

Другой бы отшатнулся, но этот, напротив, тоже наклонился ко мне и, понизив голос до шёпота, сказал:

– Нам нужен такой человек, как вы.

– Да вы рехнулись, – также шёпотом ответил я.

– Нисколько, мистер Орлов. Мы ознакомились с вашим досье, вы – идеальный кандидат. Вы умеете приспосабливаться, вы сильны, молоды, умны, легко обучаемы, а главное – вы полиглот. Знаете, как много в мире людей, владеющих двенадцатью языками?

Я пожал плечами. Тоже мне невидаль.

– Думаю, достаточно, мистер Барнс.

– А сколько из них смогут по стене вползти в узкий шкаф? Сколько смогут взломать замки?

Я молчал. Смотрел на него, нервно постукивая коленом по внутренней стороне стола. Ну, какой я, к чёрту, шпион?

– Куда вы собираетесь меня отправить? – наконец сказал я, напряжённо застыв.

– Если вы согласитесь, я введу вас в курс дела. Одно могу сказать: оттуда, куда мы вас отправим, нельзя вернуться.

– То есть? – усмехнулся я. – Отовсюду можно вернуться при желании. Ну, разве что вы собрались запустить меня в другую галактику.

Барнс шутку не оценил.

– Что-то вроде этого, – рассеянно ответил он, а внутри у меня всё похолодело.

– Что это за место такое?

Он не ответил. Снова вернулся к монитору, что-то там изучая, но явно не собираясь показывать мне.

– Бред какой-то, – сказал я, когда молчание затянулось. Разговор явно не был окончен.

Адвокат поднял на меня скучающий взгляд:

– У вас нет особого выбора. Вам светит довольно приличный срок, и нет никакой гарантии, что вам удастся выйти из тюрьмы вообще. А ещё ваши сёстры отправятся в приют, откуда вы их похитили...

Барнс замолчал, с хищным хладнокровием изучая мою реакцию. Я смотрел на него с такой злостью и ненавистью, что если бы мой взгляд обладал силой, от Барнса только пепел бы на стуле остался. Одна мысль, что их отправят в тот же приют, где наверняка по сей день царят те же порядки, доводила меня до бешенства.

– Или, – радуясь тому, какого эффекта достигли его слова, продолжил Барнс, – мы инсценируем вашу смерть, а вы будете работать на нас.

– Ничего не выйдет. Сестёр вы моих никогда не найдёте, а лезть в какую-то задницу, из которой нельзя вернуться, идиотизм. Лучше я отсижу, а вы в свою задницу сами дружно шагайте вместе со своим профессором.

Барнс улыбнулся одними губами, прищурился и развернул ко мне экран.

На фото Лера и Женя с испуганными лицами в сопровождении женщины полицейского выходят из дома Диего.

– Их доставили в отделение Рио-Верде. Вскоре за ними приедет социальный работник, который сопроводит ваших сестёр в приют «Alas de angel».

– Нет! Как вы?.. – я даже не понял, как вскочил с места и уже собрался рвануть к дверям.

– Сядьте и дослушайте, – Барнс схватил меня за руку и настойчиво усадил обратно. – Вы слишком импульсивны, вам бы поработать над самоконтролем. Там, куда вы отправитесь, он вам очень пригодится.

– Я разве согласился?!

– Если согласитесь, то ваши сёстры будут в безопасности. Я лично проконтролирую, чтоб они покинули Мексику как можно скорее. Они будут содержаться в лучшем интернате США до совершеннолетия, получают гражданство. А также на их счёт будет поступать ежемесячно пособие. Они не будут нуждаться ни в чём, получают хорошее образование, смогут устроиться в жизни. Только для этого вам придётся умереть здесь и начать всё заново там, мистер Орлов.

– Там – это где? – вкрадчиво произнёс я.

– Вы согласны?

Какое-то время я смотрел на него, пытаюсь понять, правильно я поступаю и не вляпаюсь ли ещё в большие неприятности, а затем ответил:

– Да, я согласен.

Глава третья, или Орел падает в бездну

По настоянию Барнса я признался во всех преступлениях и подписал все бумажки. У следователя была такая довольная рожа, что мне тут же захотелось сделать ему какую-то гадость. Ну, нельзя тянуть такую лыбу перед человеком, который попал по всем параметрам. Это как-то бесчеловечно, что ли.

Никаких гадостей, конечно, я делать не стал. Я сейчас находился в состоянии тихого шока и не совсем понимал, что теперь со мной будет. Утешал себя лишь мыслью: что бы там ни было, с Лерой и Женей будет все в порядке. И Барнс даже пообещал, что каждый месяц я буду получать от них письма. Это обнадеживало. Хотя я и не мог придумать, что это за место, из которого нельзя вернуться, но можно получать письма каждый месяц. Куда меня отправят? На дно океана? Под землю? На другую планету? В другую галактику? Или просто во вражескую страну. Кто там сейчас у США враг?..

С минуту я напряженно пытался вспомнить, в какой именно сейчас стране США истребляет террористов, и понял, что не знаю. Черт, это может быть кто угодно! Да и я как-то в последнее время не очень-то интересовался политикой. Обо всех новостях мне рассказывал Карлос, вот он все свободное время зависал на новостных каналах. А мне как-то не до этого было.

Но если моя догадка верна и меня вправду отправят шпионить в другую страну, тогда, возможно, Барнс имел в виду, что там меня наверняка убьют и поэтому я не вернусь. Мысль эта ну уж очень мне не понравилась, хоть и выглядела правдоподобнее остальных.

Но назад пути не было. По крайней мере, даже в другой стране у меня будет хоть какой-никакой шанс выкарабкаться. Ну, или это все равно пусть и условная, но все же свобода, все лучше, чем гнить в тюрьме.

По легенде до суда меня должны были перевезти в центр предварительного заключения в Сьерра-Горда. Там по дороге я и должен буду погибнуть.

Так и случилось, через два часа за мной приехали конвоиры. В сопровождении двух молчаливых и угрюмых полицейских, которые, как заверил меня Барнс, наши люди, я покинул полицейский участок.

Наручники с меня не сняли, но я почему-то больше не ощущал себя заключенным. Да и копы обращались со мной как-то иначе. Я бы сказал как-то настороженно и уважительно.

В кабине фургона не было сидений, поэтому я устроился на деревянный ящик с навесным замком, из ящика чем-то несло: запах гнили и какого-то лекарства. Сдох, что ли, в этом ящике кто-то? Но вскоре я перестал замечать запах, принялся видимо.

К счастью, ехали мы не очень долго, через час мы покинули город и оказались посреди пустыни. Машина остановилась. Из окна я уже видел вдалеке черный тонированный скайер, именно такой и забирал профессора Джонсона каждый день из дома.

Когда я вышел из машины, то ожидал увидеть Барнса, ну, или профессора Джонсона. Но встретили меня двое военных. Один постарше и, судя по серебряной звездочке на погонах, высшего чина, второй помоложе, чином пониже – офицер. Он, не шевелясь, стоял, вытянувшись по струнке.

– Генерал Перес, – представившись, протянул мне руку тот, что постарше, – я буду вас сопровождать к месту.

Я неуверенно пожал его руку, не без интереса разглядывая пистолет в кобуре.

– Что за место? – буднично поинтересовался я, следуя за генералом. Второй военный шел позади, очевидно, для того, чтоб я не расслаблялся.

– Вся информацию получите на месте, – сухо отозвался генерал Перес.

Тем временем позади возле фургона засуетились полицейские. Они принялись обливать машину из канистр, скорее всего бензином. Интересно, а каким образом они провернут все так, будто я там умер? Подложат труп, в котором потом и опознают меня?

И тут до меня дошло. Тот ящик, на котором я сидел! Очевидно, там и находился мой труп. Ну, то есть чей-то труп, а не мой, но ему явно предстоит изображать меня.

– Мне обещали, что я смогу поговорить с сестрами, – вспомнил я, когда мы приблизились к скайеру.

Генерал резко остановился перед дверью скайера и окинул меня снисходительным взглядом:

– Никита, верно? – спросил он. Я кивнул.

Лицо генерала стало суровым и непроницаемым, и он отчеканил командирским голосом:

– Так вот, Никита, все вопросы будешь задавать, когда мы прибудем на место. А сейчас закрой рот и не открывай его до конца поездки? Это тебе понятно?

Я снова кивнул. Что ж тут непонятного. Даже подумал о том, что, наверное, следовало ответить ему что-то вроде: «Так точно, сеньор генерал». Но потом решил, что это уже будет явный перебор. Я ведь не военный. Я теперь вообще не пойми кто.

Тем временем полицейские подожгли машину. Фургон вспыхнул мгновенно, яркое пламя тут же взвилось ввысь, выбрасывая клубы черного дыма к небу. Я будто замороженный смотрел на огонь и дым, позабыв обо всем. А ведь с этим фургоном сейчас сгорала и вся моя жизнь. Теперь почти все, кто меня знал, кроме сестер, будут считать меня мёртвым.

Грустно мне стало, тоскливо. Будто в пламени, корчась и извиваясь ужом, сгорали мои мечты и та жизнь, которую мне теперь никогда не прожить.

– Оттуда нельзя вернуться, – шепотом повторил я всплывшие в памяти слова Барнса.

– Садись, Никита, – требовательно, но спокойно сказал генерал.

Я, опомнившись, повернулся к скайеру.

Перес уже был внутри, и возле меня остался только офицер, ожидающий с каменным лицом, когда я сяду. Я залез внутрь, продолжая смотреть на огонь будто загнипнотизированный. Офицер подпер меня плечом, пришлось двигаться к генералу. В момент, когда дверь скайера опустилась, фургон рванул.

Пламя оранжево-черным вихрем взмыло к небу, полетели стекла, вышибло заднюю дверь.

Скайер заурчал, будто огромный кот, затем загудели тихонько лопасти, поднимая клубы пыли и песка. Мы неспешно начали отрываться от земли.

Я продолжал следить за фургоном.

Через десять минут сюда прибудут «скорая» и полиция. Будет долгое и нудное разбирательство: как и почему это случилось? Будут осматривать труп, который потом нарекут Никитой Орловым. В том, что найдётся правдоподобная причина возгорания, можно было не сомневаться. Да и в том, что судмедэксперт и стоматологическая экспертиза подтвердят, что это заключённый Орлов. Наверное, эту новость даже покажут по местным каналам.

Но мне этого всего уже не узнать. Да и не положено мёртвым знать, что там дальше было, после смерти.

Скайер набирал скорость, фургон скрылся из виду, а мне вновь стало грустно.

Теперь никогда этот мир не увидит невероятное и удивительное шоу великого иллюзиониста Никиты Орлова.

* * *

После того как меня в детстве разуверили в существовании магии, я вообще стал относиться ко всему с недоверием и скепсисом. Это касалось не только всяких чудес, вроде Деда

Мороза, зубной феи, мгновенного исцеления слепых или парящих над землей йогов. Я не верил во все, что значилось под грифом: загадки, тайны, секреты и прочее. Например, не верил в инопланетян, всяких нечистых духов, привидений. Не верил и в перерождение душ, хотя все детство провел в Индии, где это вообще само собой разумеется. Не верил в богов. Всем этим вещам я не доверял, наверное, подсознательно боялся в такое верить, учитывая предыдущее разочарование в волшебстве.

А вот Карлос верил в теории заговоров, а в инопланетян так в особенности. И когда я понял, что мы летим к разрушенной Пенья-де-Берналь, мне вновь живо вспомнился наш разговор, и стало как-то не по себе.

Вблизи, а не на фото все выглядело куда мрачнее. Разрушенные пустующие дома, глыбы обломков у подножия, глубокие трещины, расплзшиеся по дорогам, расколовшие парки, лужайки и чьи-то жилища. И военные, словно зелёные тараканы, снующие возле горы между рядами палаток, а больше никого.

Сама же гора выглядела так, будто какая-то чудовищная сила разорвала ее изнутри, раскидав обломки во все стороны. Странно, но основание горы выглядело целым, снесло только верхушку, и возможно, астероид мог такое устроить. Но вот ничего похожего на кратер здесь не было, и эти трещины на земле будто от чудовищного землетрясения.

Но моё внимание привлекло другое: я смотрел туда, где на остатках горы виднелся белый купол, примкнувший к стене уцелевшего куска, и длинные рукава, тянущиеся к другим куполам поменьше.

Что это? Тот самый радиоактивный астероид? Почему тогда военные без защитных скафандров? Что-то тут не сходилось. Я даже недобрым делом начал подумывать, а вдруг Карлос оказался прав. Вдруг за этим куполом и впрямь инопланетный космический корабль. И меня что? Собираются отправить туда, откуда этот корабль прилетел?

Нет. Я отмахнулся от этой мысли, это казалось уж слишком невероятным, да и не очень логичным. Я отогнал эти мысли. Не было смысла гадать, все равно уже скоро я все узнаю.

Скайер приземлился на стоянку, где в ряд выстроились с десяток таких машин, еще имелись навороченные вертолеты и парочка военных внедорожников. Полюбоваться военной техникой мне не дали, Перес сухо заявил, что нас ждут и нужно поторапливаться.

Мы зашагали вдоль палаточного городка. По всей округе разносился аромат свежесваренного кукурузного супа, где-то неподалеку развернули полевую кухню. Я почувствовал, как рот наполнился слюной, а в животе свело. Еще бы, я больше суток не ел, и теперь голод дает о себе знать. Я бы тоже не отказался от миски горячего. Но Перес так решительно шел к наглухо задраенной штабной палатке, что просить о еде у меня язык не повернулся, вроде серьезное мероприятие намечается. Сейчас меня в курс дела вводить будут.

Мы вошли в штаб вдвоём, офицера генерал отпустил.

Здесь стоял большой стол с какими-то графиками, таблицами, папками и клочками записок. Стол поперек расчерчивал двухсторонний прозрачный монитор, на нем застыла живописная картинка: морской пейзаж, скала, сбоку в углу зеленеет лес. Я сначала решил, что это просто заставка, но затем увидел, что это видео и оно стоит на паузе.

Над столом склонился тощий мужчина, от военного в нем не было решительно ничего. Даже одет он был в обычную серую футболку и в штаны, лишь имитирующие военные – цвета желтого хаки. Завидев нас, он расплылся в лучезарной улыбке и резво, по дуге обогнув стол, подошел и протянул мне руку, затараторив на английском:

– Мистер Орлов, я вас так ждал! Вы меня невероятно впечатлили! Это же нечто. Просто находка!

Я неуверенно пожал его тонкую влажную руку.

– Генерал Перес, – так и продолжая держать меня за руку, резко переключился он, – пригласите, пожалуйста, генерала Гереро, парня нужно ввести в курс дела.

Перес коротко кивнул и покинул штаб. А этот бледный снова повернулся ко мне и с интересом принялся разглядывать.

– Вы сложены даже лучше, чем я предполагал, – сказал он наконец, отпустив мою руку. – А с сейфом?! Как вы это провернули! И ключи нашли. Я впечатлен!

– Так вы профессор Джонсон, – наконец догадался я.

– Ах, да! – спохватился он и снова принялся жать мне руку. – Это я. Александр Джонсон собственной персоной, но вы можете звать меня Алексом.

И чем же я вдруг вызвал такое расположение? Я осторожно выпутался из его рукопожатия и подошел к столу, уставившись на таблицы, в которых решительно ничего не понимал. Просто захотелось отойти подальше от профессора, уж слишком он был мною впечатлен, и это весьма настораживало. Ничего особо впечатлительного во мне не было. Человек как человек. Не урод, не дурак – вот и все. Ну, умею я взламывать замки, так этому под силу научиться любому, у кого есть желание, свободное время, мозги и пальцы. Тоже мне достижение.

– Так зачем я здесь? – решил я сразу перейти к делу, не люблю ходить вокруг да около. Лучше все сразу узнать и успокоиться, ну или наоборот – начать нервничать.

Джонсон ответил не сразу, будто подбирал слова:

– Если кратко – вы будете тайным агентом в другом мире.

Тайный агент звучало ну очень уж претенциозно, но не это мне резануло слух, а вот про другой мир – весьма. Что это, образ речи или он всерьёз?

– А если не кратко, – продолжил он, – то обо всех подробностях мы сейчас вам расскажем, как только подойдет генерал Гереро.

Вместо генерала в брезентовом проеме штаба появился Барнс с кожаной папкой в руках. Он сухо пожал руку Джонсону, затем мне. Без всяких слов он уверенно взял меня под локоть и подвел к столу.

– Нам необходимо подписать с вами кое-какие документы, прежде чем вас посвятят во все происходящие здесь события и детали, – сказал он и распахнул черную папку.

Первый документ, лежавший сверху, был составлен на английском и звался «Договор о неразглашении совершенно секретной информации».

Вверху уже стояло мое имя.

– Здесь распишитесь, – сказал Барнс, протянув мне простую шариковую ручку.

Я застыл, продолжая глядеть на документ. Все формулировки такие мутные, будто их специально составляли так, чтоб ни черта разобрать нельзя было.

Барнс улыбнулся одними губами, глаза оставались холодными и непроницаемыми, он мне снова протянул настойчиво ручку:

– Простая формальность, обязующая вас хранить в тайне все, что вы здесь услышите, – пояснил он.

Я вздохнул, забрал ручку и расписался в правом углу.

Перевернул лист, под ним еще один документ:

«Контракт о поступлении на службу в особое секретное подразделение PAG-12 США».

О таком подразделении я никогда не слышал, ну, конечно, ведь оно особое и весьма секретное. И меня даже не смутило, что контракт США, а не Мексики. Обычное дело. У Мексики нет в бюджете средств, нет спонсирования, ресурсов, специалистов, а США считает своим долгом совать свой нос во все дела несостоятельной соседки. Мексика здесь, похоже, вообще никак не фигурирует, ну кроме разве что присутствия военных сил на месте событий.

– Это позже, – прикрыл папку Барнс и снова одарил меня дежурной улыбкой.

Наконец пришел и генерал Гереро. Мне он решительно не понравился. Вошёл с таким лицом, будто на входе в дерьмо вступил. И на меня посмотрел так, будто я этим самым дерьмом и был. Поразительный контраст – восторженный Джонсон и недовольный Гереро.

Генерал руку жать никому не стал и даже представляться или как-то знакомиться не соизволил. Он придвинул раскладной стул, уселся во главе стола, положив руки перед собой, обвёл нас недовольным взглядом, все своим видом как бы спрашивая: что стоим, кого ждем?

Джонсон взял стул себе и мне. Барнс, забрав папку со стола, отошел в угол палатки и замер, будто там и стоял.

– Итак, – начал Гереро, – Орьлов!

Генерал развернулся ко мне, внимательно изучая, будто впервые увидел.

– Орьлов, вы отправляетесь в параллельный мир, именуемый местными как Хема. Там вам предстоит внедриться в любую значимую группировку или структуру. Ваша основная задача – выяснить все об этом мире, а в особенности об энергии, которую используют жители данного мира. Но нам также важна любая информация о Хеме. Все что увидите и узнаете: география, экономика, политика, религия, военная мощь – это основное. Но и подробности о быте, традициях, культурных особенностях тоже не стоит оставлять без внимания. Ваша главная задача – не умереть и не прерывать связь с нашим миром. Если появятся еще какие-то внеплановые задания, их вы будете получать ежемесячно в исходной точке аномалии с той стороны. Отчеты также будете отсылать ежемесячно с помощью голосового передатчика. И еще, Орьлов, обратной дороги нет. Проход односторонний, вы никогда не сможете вернуться домой. Есть вопросы?

Я вытаращил на него глаза и вцепился в край столешницы, будто меня прямо сейчас собирались схватить и вышвырнуть в этот параллельный мир.

– Да вы шутите?! – неуверенно улыбнулся я, покосившись на Джонсона.

Но никто не улыбался.

– Вы серьезно? – я не мог убрать с лица идиотскую рассеянную улыбку.

Сказать, что слова генерала меня удивили – это ничего не сказать. Шок и тихий ужас.

– Все так, – спокойно кивнул Джонсон. – Но вам не о чем переживать. В мире Хема проживают такие же люди, как и мы с вами, да и сам мир внешне очень похож на наш. Разве что в техническом развитии отстает лет на тридцать.

– И откуда это?.. Зачем?.. Нет! – я продолжал улыбаться и непонимающе таращить глаза. – Подождите, объясните: откуда этот мир?

Ответил Джонсон:

– Точно мы не знаем. Есть предположение, что этот параллельный мир одна из вероятностей развития событий, которая в какой-то определенный период сменила вектор направления, ответвившись от общего течения, изменив историю. Проще говоря, этот мир – альтернативен нашему, с немного другим обществом, религией и историей.

– Так, подождите! Предположим, я вам верю, и такое произошло на самом деле, – я старался говорить спокойно и рассуждать здраво. – Появился проход в параллельный мир и вам необходимо его исследовать... Но почему я? У вас что? Людей нет? Это же абсурд!

– Верно, полнейший абсурд, – вполне серьезно сказал Гереро.

Теперь мне стала ясна его неприязнь, он считал меня неподходящим кандидатом, в отличие от Джонсона и спецслужб США. И как ни странно, сейчас я был с Гереро совершенно согласен.

Джонсон улыбнулся мне, всплеснув руками, будто извинялся за поведение генерала:

– Понимаете, Никита, в этом мире говорят на очень интересном языке, мы еще до конца не разобрались. Но знаем, что там присутствуют слова английские, греческие, испанские, русские, японские и многие прочие, а также слова из мертвых языков: санскрит, древнегреческий, латынь. Агенты, которых мы туда отправляли ранее, смогли выяснить лишь малую толику информации о местном языке. Одно известно – на нем говорят все в этом мире. Так вот, агенты хоть и были обученными высококлассными специалистами, никто из них не владел тем количеством языков, которыми владеете вы. И еще вы...

– Подождите, – перебил я его, – вы уже туда кого-то отправляли?

Джонсон кивнул и принялся рассказывать:

– Трех агентов. Но все они пропали без вести. Последний капрал Амадео выходил на связь больше шести недель назад. Думаем, и его мы потеряли окончательно.

– И что с ними? Они мертвы?

– Этого мы точно знать не можем, – с сожалением сказал Джонсон. – Но считать их мертвыми и списывать со счетов я бы не стал, незнакомый мир – обстоятельства могут быть самые разные.

Я несколько минут молчал, думал, ворочал информацию в голове так и эдак и все равно не мог понять – почему я?

– Ладно, допустим, я знаю языки. Кстати, хочу обратить внимание, что большинство из них знаю весьма поверхностно. Уверен, вы бы могли найти более подходящих людей. Например, специалистов, владеющих языками профессионально. Да?

– И какой болван, по-твоему, туда ползет, зная, что оттуда нельзя вернуться? – Гереро усмехнулся. – Профессиональные специалисты туда не отправятся даже во имя науки. Они ни за что не станут рисковать своей шкурой. А вот боец, патриот, воин – это да! У бойцов другое мышление, но они, к сожалению, не лингвисты.

– Но и я – ни то и ни другое, – ехидно заметил я.

– Верно, ты им и в подметки не годишься, – добродушно усмехнулся Гереро.

– Тогда отправьте того, кто годится, – разговор меня начал забавлять, и я не скрывал иронии. – Ах, ну да! Никто же не согласится! А у меня выбора нет. Поэтому я и подхожу на эту роль как никто другой, верно?

– Верно, – довольно улыбнулся Гереро. – А ты не такой дурак, каким кажешься.

В разговор вмешался Джонсон:

– Никита, на самом деле вы настоящая находка для нас! И то, что вы решили ограбить мой дом – как бы странно это ни звучало – это подарок судьбы. Понимаете? Сначала мы думали, что вы иностранный шпион. Что под видом ограбления решили похитить информацию об аномалии. Но когда мы увидели ваше дело и разобрались – поняли. Да это же настоящий подарок! Языки, отличная физическая форма. Да одно только то, что вы умудрились похитить сестер из приюта и скрываться так долго от властей, заслуживает восхищения. И характер у вас подходящий, не слушайте генерала. Вы боец! Это однозначно.

Я слегка отодвинулся от стола и настороженно глядел то на Гереро, то на Джонсона. Они явно не мне пытались объяснить, почему я подхожу или не подхожу на роль шпиона. Они это доказывали друг другу. По-видимому, у них это старый спор. Но судя по документам в папке Барнса, спор уже решенный, а спорят они по привычке.

– Ладно, проехали, – после затянувшейся паузы сказал я. – Если бы у меня был выбор, я бы сказал, что мне нужно подумать и все такое. Но так как выбора у меня явно нет, а лишь его иллюзия...

На лице Джонсона появилось виновато-извиняющееся выражение, лицо Гереро стало грозным и непроницаемым. Снова повисла тяжелая пауза.

– Знаете, Никита, – Джонсон не смотрел на меня, он бездумно царапал ногтем стол, – не воспринимайте все это так, будто вас насильно принудили отправиться туда. Подумайте вот о чем: вы были бандитом, вас ожидал внушительный срок и тюрьма. А теперь вы станете героем. Ваши сестры будут гордиться вами. Это удивительное приключение! Вы – как Нил Армстронг, ступающий впервые на Луну, только в вашем случае все в сто крат фантастичнее. Где-то я даже завидую вам.

Я молчал, все его напутственные речи о героизме и прочей лабуде меня не впечатлили. В прекрасный и добрый потусторонний мир я не верил, особенно учитывая то, что они там уже трех агентов потеряли. Я для них такой же расходный материал, как и те люди. Узнаю

что-то, раздобуду для них ценную информацию – здорово. Пропаду: убьют меня или схватят тамошние представители власти – плевать... Следующий!

Джонсон расценил мое молчание по-своему:

– Этот мир хоть и похож на наш, но устроен совсем иначе. Там другие законы, вам еще предстоит во всем этом разобраться. Но времени у вас не много. У вас неделя на изучение информации о Хеме, на подготовку. Контракт изучите сейчас, а после того как изучите, мы можем приступить к подготовке.

Барнс вышел из тени и достал контракт. Его кожаная папка грохнулась об стол со звуком судейского молотка, вынесшего только что мне смертный приговор.

Глава четвертая, или Орел улетает из гнезда

Бывает, что время тянется так медленно, будто его нарочно кто-то тормозит, особенно это заметно, если что-то ждёшь. А бывает, летит со скоростью пули, когда, напротив, страшишься какого-то неприятного, но при этом неминуемого события и всячески стараешься оттянуть его приближение.

В моем же случае последняя неделя в нашем родном мире пронеслась бодрым стремительным галопом, и когда настал день X, я все так же был не готов и все так же до конца не верил в происходящее.

Всю неделю я провел в секретном штабе, который располагался возле аномалии. Мне не позволялось ни с кем разговаривать, кроме приставленных ко мне специалистов, даже просто свежим воздухом выйти подышать без сопровождения было запрещено. Я чувствовал себя пленником.

Правда, один раз Гереро даже устроил мне экскурсию в зону аномалии. Жуткое, честно говоря, зрелище. Какая-то черная слизь на скале. И слизь эта будто и не слизь, а смола, но если приглядеться, кажется и вовсе чёрный густой дым – все время шевелится, переливается, будто живой. Но пугало не это, а плохо поддающееся анализу чувство, которое я уже испытывал, когда впервые увидел аномалию на фото в доме Джонсона. От этой черноты так и веяло первозданной тьмой, от нее веяло самой смертью.

В голове не укладывалось, как, пройдя через вот это, можно оказаться в другом мире.

Еще за эту неделю я узнал много нового. Например, что моим предшественникам толком об этом мире ничего не удалось выяснить, так как никто не продержался на связи больше трех недель. Обнадеживающе, правда?

В общем, я знал только, что общество там устроено иначе, как именно, толком мне никто не объяснил. Первый агент, Саймон, который по легенде прикидывался немым, был продан в рабство на рудники. Его отчеты были очень путанными и обрывчатыми. Он рассказывал о каких-то сверхлюдях, о каких-то пирамидах со столбами света, о загадочной энергии, которую использовали люди Хемы. А еще он постоянно жаловался, что совершенно не понимает, о чем говорят местные. Последний его отчет был о том, что он планирует бежать с рудников, и после этого ничего.

Но Саймон на самом деле был единственным, кто сумел собрать хоть какую-то информацию. Например, в этом мире была весьма необычная география: один суперматерик, разделенный скалой на две державы, и полуостров, о котором ничего не известно. А еще у потусторонней планеты имелось два спутника: один выглядел в точности как луна и, скорее всего, луной и являлся, а вот другой был поменьше и не был похож ни на один объект в нашей солнечной системе. И, в общем-то, все. Больше я ничего не узнал.

Я рассчитывал, что мне предоставят хоть какую-то более или менее внятную информацию, но как выяснилось, львиную долю мне предстоит узнать самому, находясь уже с той стороны.

Единственной отрадой было то, что мне дважды позволили поговорить с сестрами. Лерка и Женя, когда я им позвонил впервые, были очень напуганы. Тарашили на меня глаза с экрана нано-сэда, будто впервые видели. Женька даже разрыдалась, чем удивила меня. Она хоть и была младшей из нас, но, несмотря на возраст, являлась самой сдержанной и рассудительной, я вообще редко замечал ее слёзы.

Но на самом деле ничего удивительного. И слезы Женьки, и подозрительная немногословность и угрюмость обыкновенно веселой и болтливой Леры – все это можно было понять. Конечно, сначала им сообщили, что меня арестовали, затем их вернули в приют, а на следующий день девчонки узнали о моей смерти. Тут у любого сдадут нервы. Боюсь представить, что

им пришлось пережить за те сутки. Но Барнс не подвел, да и контракт его обязывал. В тот же день, когда я якобы умер, девчонок под предлогом программы защиты свидетелей забрали из Мексики и увезли в США. Теперь они жили в частном интернате, в хороших условиях и находились под постоянным присмотром. О том, что я на самом деле не умер, сестрам рассказали еще до того, как я им позвонил. Не знаю, что именно им наплели про мою смерть и про мой предстоящий длительный отъезд, но наверняка эта история была очень убедительной, так как вопросов они не задавали по этому поводу. Да и, видимо, их заставили, как и меня, подписать такой же договор о неразглашении. Только вот информация, о которой они должны были молчать, сто пудов была другой. В том, что им не рассказали всю правду, я даже не сомневался.

Правду не знали даже военные, находящиеся здесь. Об этом мне между делом поведал Джонсон. Оказалось, что все вокруг считали, что здесь и впрямь упал астероид. Никто, кроме узкого круга лиц, не знал об аномалии. Конечно, слухи ходили самые разные – от банального и набившего оскомину НЛО до испытаний нового оружия, которое проводят США и Мексика совместно. До реальной версии о проходе в другой мир не догадался никто. Это Джонсона почему-то весьма забавляло.

Подготовка к переходу началась с самого утра. Сначала со мной долго и нудно беседовал психолог, рассказывал, как себя вести в разных ситуациях, давал советы по самоконтролю и прочее занудство. Причем рассказывал он мне это не в первый раз. Мы всю неделю с ним и Джонсоном прорабатывали мою легенду и обсуждали тактику поведения. Легенда у меня не лучше, чем у предыдущих агентов, с фантазией тут, похоже, у всех туго. А вот и сама легенда, если кратко: я не помню, кто я такой и как сюда попал, не знаю своего имени и еще я жуткий молчун, говорю только в том случае, если уверен, что меня поймут. Радовало, что хоть не немой.

До первого населенного пункта приблизительно пять миль, и если идти по побережью, через несколько часов я должен выйти к людям. Там мне и предстояло изображать юношу, потерявшего память. Оставалось надеяться, что все пройдет гладко.

Из оружия мне выдали только походный нож – самый простой, без каких-либо опознавательных знаков. Из одежды – льняная рубаша и штаны, вместо обуви – какие-то тряпки на ноги и примотанная подошва. Жуть! Выглядел я так, будто вывалился из позапрошлого века.

– Мы выяснили, что именно так одеваются местные, живущие на горе. В таком виде ты не должен вызвать подозрений, – пояснил Джонсон.

– И это все? – в недоумении крутя нож, спросил я.

– Да, – твердо заявил Гереро.

– Тебе большее и не понадобится, – пояснил Джонсон. – Спустишься с горы, несколько часов в пути и будешь на месте. Там попадешь в город. Оружие, тем более не местное, вызовет слишком много вопросов.

– Вы что, и предыдущих агентов так отправляли?

Гереро хотел что-то ответить, но Джонсон взмахом руки остановил.

– Да, только Саймон, первый агент, был вооружен. И насколько ты знаешь, это его не спасло, он попал в рабство.

Я, честно говоря, обалдел от такого расклада. Если уж обученный вооруженный боец попал в рабство, то что в таком случае ждет меня вот с этой зубочисткой, что они мне выдали.

– Не удивительно, что вы потеряли стольких людей, – не скрывая сарказма, сказал я. – Может, стоит сделать наконец из этого какие-то выводы и что-то поменять.

Гереро устало вздохнул, Джонсон одарил снисходительной улыбкой:

– Не стоит переживать, Ник, мы тщательно изучаем Хему. Тактика, которую мы тебе предлагаем, самая надежная. Главное, не отклоняйся от цели.

На этом разговор был окончен. Но я решил послать Гереро и Джонсона к чертовой матери со всей их надежностью. Где-то они темнили и о чем-то явно не договаривали.

Нет уж, такое положение вещей меня не устраивало. Пусть сами лезут в свою задницу без оружия. Да и в рабство я не собирался, а очень даже наоборот, я планировал начать новую жизнь.

Поэтому при первой же возможности я стащил пистолет у офицера, приставленного ко мне. Он оказался такой нерасторопный, такой невнимательный, что уведи я у него скайер из-под носа, не заметил бы. Поэтому я вытянул у него пистолет без всякой сложности, как сотни раз до этого вытаскивал кошельки из карманов пиджаков и маленьких дамских сумочек.

Толчок плечом.

– Извините, офицер, споткнулся, – отвлекая внимание, строю виноватое лицо, а в этот момент уже засовываю его пистолет за спину.

Хороший пистолет, что-то из старых моделей Beretta, и полный заряд. Уже в штабе я примотал его к ноге; под широкими льняными штанами, если не садиться, его не видно. Теперь я чувствовал себя куда увереннее.

На все мои уговоры оставить хотя бы мою куртку с потайными карманами отвечали, что не положено и что она выглядит слишком подозрительно. А Джонсон сказал, что приблизительно так одеваются местные, живущие на горе. Вроде как должен сойти за своего.

А затем снова вернулся Гереро и положил передо мной на стол серебристый медальон на цепочке, изображающий орла, пожирающего змею.

– Это твоя нано-рация. С ее помощью будешь связываться с нами, – сказал Гереро. – Поворачиваешь правое крыло, записываешь отчет, возвращаешь крыло в исходное положение. Левое крыло – отправить. На крыльях солнечные батареи, подзарядка автоматическая. Если змея начнёт покалывать, как от электрического разряда, сменит цвет и потемнеет, значит, тебе необходимо вернуться к исходной точке и получить задание.

О нано-рации мне уже рассказывали не раз, единственное, что я не знал, как она будет выглядеть. И вот – орел, схвативший когтями змею и пожирающий ее, это символично не только для Мексики, где такой орел изображен на гербе, но и для меня.

Я усмехнулся, покрутив медальон в руке:

– То есть моя куртка выглядит подозрительно, а орел, напичканный шпионской техникой, – неприметная безделушка.

– Твоя задача хранить его во что бы то ни стало. Прячь. Если нужно, убей за него. От этого зависит жизнь твоих сестёр.

Он таким тоном сказал об этом, что мне стало не по себе. Будто бы, если я потеряю рацию, они и вправду убьют девчонок. На самом деле он имел в виду, конечно, совершенно другое. Это было прописано в контракте: в случае если я не выйду на связь в течение тридцати календарных дней, контракт разрывается и мои сестры прекращают получать деньги, на которые, собственно, они сейчас и содержатся в приюте. И деньги там не маленькие. Если мне удастся продержаться хотя бы год, то я смогу их обеих обеспечить лет на десять вперёд, ну или по крайней мере до совершеннолетия Жени.

– А это антенны... – На стол легли чётки с металлическими бусинами. – Как их устанавливать, я надеюсь, ты в курсе.

Я кивнул и забрал чётки, намотав на запястье на манер браслета. Одна такая бусина является ретранслятором, передающим сигнал к основному приемнику. Мне необходимо расставить их по периметру с интервалом в пятнадцать миль, после того как я определюсь с местом дислокации. Если, конечно, определюсь. Надеюсь, что этих ретрансляторов мне хватит.

Последний час до перехода я чувствовал себя так, будто мне предстоит отправиться на казнь. Я никогда не считал себя трусом и сейчас не испытывал страха. Меня терзало другое чувство – сомнения. Может быть, я зря согласился, может, разумнее было отсидеть. Сколько бы мне дали? Двадцать, тридцать лет. Нет, это слишком долго. Но все равно я никак не мог

выкинуть из головы слова Гереро, которые он мне сказал в первый день, когда мы остались наедине:

– Не стоит тешить себя иллюзиями по поводу своей исключительности и нужности. Никакой ты не секретный агент, никто бы в здравом уме на реальное задание тебя бы не отправил. Более подходящих кадров на это задание хватает. Но власти и так уже потеряли немало денег на предыдущих агентах, пропавших без вести, и больше так рисковать не желают. А ты... – Гереро сделал многозначительную паузу, – просто подопытный кролик, пушечное мясо. Выживешь – молодец. Не выживешь, найдут другого и тут же забудут о тебе.

И я ему верил, его слова выглядели куда правдоподобнее, чем елейные речи восторженного Джонсона. Да и в контракте я значился как информатор, а далеко не секретный агент. Но мне, в общем-то, было плевать, кем они меня тут считали. Я себя по-прежнему считал Ники-той Орловым, парнем, которому не повезло во все это вляпаться.

И вот я стоял снова перед хищной тьмой, перед аномалией. Теперь я пришел не просто поглазеть, а провалиться в нее, раствориться в ней навсегда. Я старался не думать о том, что меня ждет с той стороны, иначе я рисковал растерять остатки самообладания.

– Время до перехода – минута, – сообщил чей-то безразличный голос.

Я чувствовал, как подкатывает паника, и старался давить ее, загонять в потайные глубины подсознания. Я никогда не боялся смерти. Она казалась слишком далекой, нереальной. Да, смерть всегда ходила где-то рядом, иногда подбираясь очень близко, иногда казалась блеклым призраком, чахнувшим под яркими лучами жизни. Но до этого я никогда не глядел ей в глаза.

А сейчас эта тьма смотрела на меня с хладнокровным спокойствием, будоража самое древнее чувство – страх перед смертью.

Я не заметил, как безразличный голос начал обратный отчет.

– Пять, четыре, три... – ворвалось в мое сознание, будто струя ледяной воды, заставив взять себя в руки и приготовиться.

– Два, один. Пошел!

Я шагнул. Лоскуты черной субстанции приняли меня в объятия, окутывая мягким прохладным коконом. Еще шаг. Меня слегка повело, легкое головокружение, кожу покалывало, будто от мороза. Еще шаг. Нет. Я сделал шаг назад, наткнулся спиной на твердую холодную преграду. Зашарил рукой – наткнулся на шершавый прохладный камень. Обратной дороги нет, проход закрылся. Впереди непроглядная тьма.

Теперь только вперед.

Шаг, два, три – в лицо ударил по-осеннему прохладный ветер. Яркие солнечные лучи заставили болезненно щуриться.

Запахло морем, слева доносился умиротворяющий шелест волн. А когда глаза привыкли к свету, первым делом я увидел бескрайнюю синюю гладь. Море – спокойное, лениво лижущее волнами берег. У меня почему-то от его вида будто гора с плеч упала. Это море было в точности такое же, как и в моем мире. Где-то в глубине души я все же опасался, что этот мир окажется слишком непохожим, слишком чуждым. Но этот вид: привычное голубое небо, внизу густая зелень тропического леса, а позади бескрайние горы, настолько бескрайние, что обхватить взглядом весь массив глаз не хватало.

Я стоял на пологом скалистом выступе, посреди горы. Оглянулся с легкой надеждой увидеть проход. Но нет, здесь глухая стена, из которой торчит наполовину приемник, замаскированный пенопластовой бутафорией под камень. Первым делом я достал пистолет и подвязал его к шнурку на штанах. Проверил, чтоб тот не выпадал.

Еще где-то здесь должна быть рация, только у исходной точки я могу связаться со своим миром, отойди я на метр, и связь будет работать только в одну сторону.

Я нашел под приемником рацию.

– Берналь, это Агила, прием, – неуверенно произнёс я.

– Прием, Агила, – отозвался бодрый голос Джонсона. – Как дела? Ты в порядке?

– Да.

– Хорошо. Спускайся с горы и иди вдоль берега. В лес лучше не суйся. Следуй инструкциям, через месяц ждем отчёт. По возможности пришлешь раньше, но не позже.

– Принято, Берналь.

– Не забывай про ретрансляторы. И... Удачи тебе.

– Спасибо, профессор. Отбой.

Я отключил рацию, спрятал в выемку, где она и была, встал, оглянулся и еще раз взглянул на местный пейзаж. Красота!

Набрал побольше воздуха в грудь, собираясь с мыслями. Выдохнул, улыбнулся сам себе. Настроение у меня было пречудесное: солнце светило, море шумело – я чувствовал вкус свободы. И от этого, а может от местного воздуха, у меня слегка кружилась голова, как от алкоголя.

С чего-то нужно было начать знакомство с новым миром, и я решил последовать совету Джонсона и спуститься с горы.

Бодрым шагом я зашагал вниз, насвистывая под нос и резво перепрыгивая через камни. Чувство легкой эйфории и головокружения не покидало меня ни на миг. При этом я не забывал поглядывать по сторонам – всё-таки, насколько я знал, здесь в горах живут местные. Но пока я ничего не видел – ни жилищ, ни каких-либо следов пребывания людей. Над головой пролетел ястреб, я обрадовался тому, что и птицы здесь как дома.

Море становилось все ближе и ближе, и мне осталось уже спуститься совсем чуть-чуть, как я услышал шорох. Замер. Среди кустарников внизу треснула ветка. Я стоял как вкопанный и таращился на кусты. На всякий случай положил руку на нож.

И тут из кустов выскочили трое. Сразу бросилось в глаза уродство одного из них. Скверная, перекошенная злобой рожа, да еще и отсутствовал правый глаз. Причем у него в этом месте не было вообще ничего похожего на веко или глазную щель, будто он таким и родился. Все трое на вид – бомжи. Ну, по крайней мере, в нашем мире именно так выглядят выпавшие из социума на обочину жизни господа. Но судя по тому, какие у них перекошенные рожи, они не на выпивку у меня вышли кланчить, а явно настроены крайне враждебно.

У одного из них блеснуло лезвие в складках драного плаща, а потом он, крикнув что-то невразумительное, бросился на гору ко мне, остальные не отставали.

Я достал пистолет. Убивать я их не собирался, только хотел напугать как следует. Прицелился. Раздался выстрел. Кто-то из троицы яростно заорал. Это их остановило, но неожиданно кто-то из них швырнул в меня камень. Да так метко, что я едва успел увернуться. Оступился, едва не упал. Еще один камень полетел вслед. Все происходило очень быстро. Я выстрелил, не особо целясь, и конечно же промахнулся. Камни бросали все трое. И выстрелов будто и вовсе не боялись. Они тут бессмертные, что ли? Один из камней прилетел по запястью, выбив пистолет, второй ударил в плечо. Я с сожалением проследил за тем, как пистолет улетает вниз, но медлить было нельзя. Теперь мне ничего не оставалось, как бежать.

Я не секретный агент и далеко не спецназовец, силы свои оцениваю реально. С походным ножом против троих с кинжалами – здесь я явно проигрывал. Вообще жизнь в трущобах Мексики меня многому научила. Одно из главных правил: видишь нож или ствол – беги. Поэтому, недолго думая, я бросился бежать.

– Стха, двиша джамбала! Вуапд! – закричали мне вслед. Слов я не понял, но по интонации он явно кричал что-то вроде: «Стой, грязная свинья! Убью!», ну или нечто из того же репертуара.

И все же я оказался куда шустрее, что неудивительно. Пока они прыгали через камни, взбираясь в гору, я рванул вверх по склону. Адреналин, ударивший в голову, заставлял взбираться упорнее, двигаться быстрее. Я взбирался дальше, не забывая во время прыжков сильнее бить по камням ногами, дабы они, откалываясь, сыпались моим преследователям на головы.

Судя по крикам, некоторые из них все же достигли цели. Но уже через несколько таких маневров я передумал так делать, всё-таки нужно бы поберечь свои босые ноги.

Впереди показалась отвесная скала метров десять с небольшим выступом террасой, я, недолго думая, начал взбираться наверх.

Без страховки лезть туда было рискованно, да еще и голова продолжала кружиться, но думать было поздно, а отступить некуда, поэтому я карабкался, хватаясь за зацепки и перебирая ногами.

Оборванцы что-то орали внизу, но, очевидно, следом лезть не рискнули. Затем я услышал гневное слово «твар», очень похожее на украинское или белорусское, но по смыслу больше походившее на русское ругательное «тварь». Я слегка удивился этому факту и даже обрадовался. Голова закружилась сильнее, да еще и присоединилась тупая пульсирующая боль во лбу. Кое-как, еще немного поднажав, я ухватился за край и влез на террасу.

Крики резко стихли, я посмотрел вниз – троика обходила, следуя напрямиком к склону, который вел ко мне. Правда, у меня была теперь фора, это обнадеживало. Я, не мешкая, побежал вперед.

Сколько я бежал и взбирался все выше и выше, трудно сказать. Наверное, достаточно долго, потому как, оглянувшись, увидел, что подножие горы осталось далеко внизу. Чувствовал я себя совсем плохо, в глазах двоилось и слегка подташнивало. Может, у них тут ядовитый воздух?

Впереди между двумя острыми скалами показалась небольшая расщелина. Я оглянулся – преследователей нигде не было видно, поэтому я нырнул туда. Внутри расщелины – углубление, что-то вроде небольшой пещеры, достаточно широкой, но с весьма низким потолком, в полный рост я мог встать, только пригнув голову. Ну, а так для укрытия место отличное. Здесь можно переждать, пока они не уберутся, и отдохнуть.

Я привалился к холодной стене спиной. Холод принес мне облегчение, тошнота отступала, головная боль сходила на нет, ей на смену пришли всполохи и мельтешения перед глазами. Но они меня беспокоили меньше всего.

Да уж, хорошее начало. Новый мир встретил меня со всем своим дружелюбием. Ну, в общем-то, что-то подобное и стоило ожидать, учитывая опыт предыдущих засланцев.

Но вот что меня интересовало: что именно этим троим от меня было нужно и кто они вообще такие. Лесные разбойники? Но вряд ли я похож сейчас на человека, у которого есть что брать.

Может, конечно, все куда проще. Например, они просто охраняли свою территорию, а я влез без спроса. Ну, или местные горцы людоеды-дикари и меня собирались сожрать.

Нет, так гадать можно до бесконечности. Что бы там ни было, попадаться к ним в лапы и проверять желания не было. Мне нужно уходить отсюда. Моя цель была куда дальше от горы. Где-то там должна быть цивилизация.

Из расщелины мне открывался отличный обзор, а меня в тени камней разглядеть было невозможно. Поэтому я просто сидел, смотрел и ждал.

Тем временем с моря подул холодный ветер, по небу стремительно поползли черно-серые тучи. По-хорошему нужно было убираться отсюда, с горы, пока не началась гроза, но тогда я рисковал застать ее по пути.

«А, плевать, – решил я, – не сахарный, не растаю».

Под дождем даже лучше, меньше вероятности встретить еще кого-нибудь, агрессивно настроенного.

И только я собрался в путь и вышел из ущелья, как серое небо расчертило яркой извилистой молнией, а затем зарокотал на всю округу гром. Ветер подул пронзительно холодный.

Ну, может, я и погорячился, шагать под проливным ливнем на холодном ветру – не затем же я здесь, чтоб умереть через неделю от воспаления легких.

Я вернулся обратно. Настроение испортилось, к тому же мне не дали ни воды, ни еды. И если голод можно было перетерпеть, то с жаждой справляться было куда сложнее. Ладно, дождусь, когда пойдет дождь, и как-нибудь напьюсь.

Сидеть на месте и ждать я не любил. Вообще ждать терпеть не могу. Я любил действовать. Поэтому сидение в расщелине мне показалось пыткой, да и дождь как назло не начинался. Небо все больше затягивало тучами, молнии блистали все ярче и чаще, гром грохотал без остановки, но ни одной капельки с неба не упало.

Вдруг впереди я увидел фигуру, ловко прыгающую среди острых камней. Фигура была шуплая, невысокая, в лохмотьях. Можно было решить, что это старик или старуха, но судя по тому, как резво и стремительно силуэт приближался ко мне, это был кто-то достаточно юный, возможно даже ребёнок. Правда, было в его движениях что-то странное, неправильное, будто он или она прихрамывал на бегу.

Когда между нами осталось меньше десяти метров, сомнения не оставалось – кто-то идет прямо сюда. Я напрягся и отполз подальше – в глубину расщелины, пока не уткнулся спиной в камень.

Вдалеке зашелестел дождь, медленно наращивая шум. А когда человек вошел в ущелье, ливень уже вовсю хлестал, тугими струями стуча по земле, да так хлестал, что мелкие брызги долетали до меня, хотя я и сидел далеко от входа.

Человек, шаркая ногами, прошел к соседней стене и чем-то зашуршал.

Наверное, стоило как-то обозначить своё присутствие, но я промолчал. И чем дольше я молчал, тем меньше во мне оставалось уверенности, что это вообще стоит делать. Особенно здесь, в темноте. Мало ли какие у них здесь порядки. Может, тут и дети ходят с оружием, хотя и в нашем мире это не такая уж редкость.

Тем временем шорох в углу прекратился, послышался щелчок и стало светло. Человек зажег фонарик. Самый обычный фонарик, светящий слабым тусклым светом.

Она смотрела немного настороженно прямо на меня, а я глядел, пожалуй, точно так же на нее. Теперь я убедился, что это девчонка. Она уже успела снять промокшую драную, сшитую из множества лоскутов накидку и осталась в бесформенных, совсем ей не по размеру штанах и короткой майке. Девчонка – не совсем ребенок, подросток лет четырнадцати-пятнадцати, со смуглым, грубоватым, обветренным лицом и темно-карими, слишком широко посаженными глазами. Длинные неопределённого цвета волосы, похоже, никогда не были знакомы с расчёской и висели грязными паклями.

– Здрава, – неуверенно сказала она.

– Здрава, – ответил я, радуясь такому понятному приветствию, и даже улыбнулся ей.

Девчонка улыбнулась в ответ и, осмелев, затараторила так, что я даже если бы захотел, не смог бы выловить из этого потока хоть какое-то слово. Но судя по интонации, она заваливала меня вопросами.

Не зная, что ответить, я глупо улыбался и пожимал плечами.

– Айя-яй! – закачала она головой, с сочувствием поглядев на меня. – Ако се наам?

Это я понял. Не сразу сориентировался, к какому языку какое слово относится, но наам она произнесла в точности, как говорят в Индии, когда спрашивают про имя.

– Никита, – ответил я и повторил: – Ако се наам?

– Ник-итя? – недоверчиво улыбнулась она. – Странджа наам.

И это я тоже понял, имя ей мое странным показалось. Я даже воспрял духом как-то. Худо-бедно я ее все же мог понять.

– Как тебя зовут? – снова повторил я на новом языке, старательно проговаривая каждое слово.

– Нэва, – сказала она и будто потеряла ко мне всякий интерес.

Моя новая знакомая, вытащив из-за спины торбу на лямках, что-то вроде импровизированного рюкзака, принялась там рыться.

Пока она что-то искала, я заметил, что одна нога у нее явно короче и тоньше другой. Теперь ясно, почему она так странно передвигалась.

Нэва тем временем извлекла из торбы большую консервную банку, в такие обычно закатывают томатный суп, затем вытащила нож и принялась ее вскрывать.

Запахло самой настоящей тушенкой, я чуть слюной не подавился. Нэва посмотрела на меня исподлобья, прицокнула языком.

– Се бхуки? – спросила она, с жалостью глядя на меня. Тут даже языки не нужно знать, чтобы понять, что речь о еде.

Но этот ее взгляд, такой унижительный, что ли. Наверное, так смотрят добрые девочки на бездомных голодных собак. Но я решил, что теперь не до гордости. Если хорошо подумать, то мне было плевать, как я там выглядел со стороны. А вот еда – неизвестно вообще, когда мне в следующий раз удастся поесть, поэтому я с готовностью закивал.

Нэва снова одарила меня этим жалостливым взглядом, протянула банку, я с готовностью взял. С полминуты подождал, надеясь, что она мне даст что-то вроде ложки, но, так и не дождавшись, начал доставать пальцами кусочки говядины в застывшем жиру и жевать. Вкусная тушенка, кстати, такой я в своем мире не пробовал никогда. Наша, особенно дешёвая, на вкус напоминала резину, а эта, даже холодная, таяла во рту.

Нэва снова принялась о чем-то расспрашивать. Но если с одним предложением мне хоть как-то удавалось разобраться, то с безостановочным потоком фраз я уже справиться не мог. Поэтому я просто жевал и смотрел на неё. Пусть думает, что я идиот, потерявшийся в горах, может, это меня как-то спасёт. Может, она выведет меня к людям, а лучше к той цивилизации, которая тут точно была, судя по фонарику и консервной банке. Вспомнив про банку, я принялся крутить и вертеть ее в руках, надеясь найти там надпись, фирму-изготовителя, ну или хоть какие-то опознавательные знаки, может быть даже срок годности. Но она была чиста. Совсем ничего. Странно.

– Ди до, – вытянув вперед руку, требовательно произнесла она. Я сначала растерялся, но потом до меня дошло, что она требует тушенку обратно.

С тоской заглянул внутрь, еще половина осталась. Но и на том, в общем-то, спасибо. Я, желая вернуть ей банку, неаккуратно схватился за край и порезал палец. Шикнул, засунул по инерции палец в рот, а банку отдал ей другой рукой.

Нэва нахмурилась, забрала тушенку и так же руками принялась есть, то и дело поглядывая на меня с подозрением.

Снова задала вопрос, который я не понял. Я ее не слушал, глядел на стену дождя, хлещущую у входа. Радовало, что вода не затекает в расщелину и здесь относительно сухо. Небо стремительно темнело и, кажется, близилась ночь.

Я вытащил палец изо рта, глядя, как порез тут же наливается кровью.

– Ракта! – возбужденно крикнула Нэва, отставляя в сторону тушенку и вытирая руки о штаны.

Она вскочила на ноги, взбудораженно глядя на мой палец. На всякий случай я засунул его обратно в рот. Ракт – кровь на хинди. Чем же ее так удивил мой раненый палец?

– Ракта! – повторила она, растерянно топчась на месте.

– Ракта, ракта, – согласился я и показал ей палец.

Конечно, поведение Нэвы немного настораживало. Что, она крови, что ли, никогда не видела? Почему-то в голове сразу возникла ассоциация с праведными вампирами из старых фильмов, которым очень хочется крови, но не может из-за высоких моральных убеждений.

Разумеется, Нэва на вампира была едва ли похожа, но на палец она смотрела испуганно, вытаращив глаза и то и дело встревоженно поглядывая на вход.

Я убрал палец, зажав в кулак, тоже с опаской поглядел на вход, теряясь в догадках.

А Нэва молниеносно подхватила плащ, рюкзак и бросилась прочь из расщелины прямо под проливной дождь.

Мне только и оставалось, что ошарашенно смотреть то на выход, то на фонарик, который она позабыла, убегая. И что это сейчас было? Нет, в такую откровенно несуразную ситуацию я попадал впервые. Увидела кровь и ни с того ни с сего убежала...

Вдруг меня посетила страшная мысль: а вдруг в этом мире и вправду водятся какие-нибудь страшные твари, которые, почуяв запах крови, тут же являются и пожирают жертву.

– Да нет! – усмехнулся я сам себе, отгоняя наваждение.

Это уже перебор, к тому же иногда себе можно такого напридумывать, что и недолго от страха в штаны наложить на пустом месте. Скорее всего, эта Нэва... Ну, не знаю, может, опаздывала куда, а может, утюг забыла дома выключить. Хотя... Какой к черту утюг?

Я подтянул к себе фонарик и принялся вертеть его в руках – и снова ни единого опознавательного знака. Я посветил туда, куда еще несколько минут назад ушла Нэва, и выключил фонарик на всякий случай, дабы лишний раз не привлекать внимание.

В расщелине становилось откровенно холодно, а я думал о том, что лучше бы она забыла плащ вместо фонарика. Зато в углу осталось полбанки тушенки, и я без зазрения совести дождал ее, сидя в темноте. Наевшись досыта, под барабанивший шум дождя я и не заметил, как начал клевать носом. Не спать, в таком холоде уснуть невозможно, а именно дремать. Тело вроде спит, но сознание все время начеку.

Дождь со временем начал стихать, но теплее не становилось, а очень даже наоборот. Было так холодно, что у меня зуб на зуб не попадал. Но я упорно продолжал вжиматься в холодную стену и пытаться уснуть, почему-то казалось, если засну – холод перестанет донимать.

И в какой-то момент я и вправду провалился в рваный беспокойный сон. И снилось мне что-то нелепое и бессвязное, то, что приснившись, забывалось через секунду.

Вдруг из сна меня вырвали голоса, заставив открыть глаза, и растерянно уставиться на вход. На улице затеплился серый рассвет, откуда-то сверху еще стекали дождевые капли. Где-то совсем близко говорили двое. Один голос я узнал, он принадлежал Нэви, второй мужской – низкий, с хрипотцой. Голоса стремительно приближались.

Из расщелины деться было некуда. Я вскочил на ноги и на всякий случай схватил нож.

Два силуэта показались в проходе. Нэва стояла позади, а вперед вышел мужчина. Лица я его разглядеть не мог, но вот конец ствола автомата с прицелом, торчащий из-за спины, видел очень ясно.

Ну, здравствуй, цивилизация!

Глава пятая, или Столкновение с цивилизацией

Что делать, если тебя загнал в угол вооруженный человек, мотивов которого ты не знаешь и, вероятнее всего, даже если он тебе их озвучит, не поймешь?

Будь это другая ситуация, где я бы точно был уверен, что меня хотят убить – напал бы первым.

Но в данном случае человек с автоматом оружие из-за спины доставать не спешил. А я так и стоял, держа нож перед собой, и опасно поглядывал то на него, то на Нэву.

– Анаш! Пхир пари бадра, – сказала Нэва. Слово показалось знакомым, судя по интонации, пытается успокоить.

– Пхир пари па! – подтвердил мужик вполне дружелюбно.

Некоторое время я колебался, но подумав, все же убрал нож.

Мужик, пригнувшись, вошёл в расщелину. За ним следом проскользнула Нэва, шмыгнула мимо, отыскала фонарик и включила свет. Теперь я мог разглядеть незнакомца лучше.

Он не был похож на тех оборванцев из лесу. Одет он был в чистое, опрятное и, я бы даже сказал, по-своему стильное: коричневая рубашка, кожаный жакет, зауженные брюки, ремень с крупной металлической бляхой. Если бы у него была шляпа и ковбойские сапоги, то я бы принял его за ковбоя, но шляпы не было, а вместо сапог – грубые походные ботинки, но, что странно в такую погоду, чистые ботинки. Мужик был гладко выбрит, с зачёсанными назад и собранными в хвост темными волосами. Лицо острое, вытянутое, как у лиса, и глаза: хитрые, раскосые, взгляд цепкий. Он тоже изучал меня, шаря лукавыми черными глазами, пытаясь что-то выискать. Его взгляд остановился на медальоне. Я невольно прикрыл его рукой.

– Игал, – усмехнулся мужик, кивнув на медальон. Я тоже усмехнулся и кивнул, даже здесь слово орёл звучало очень по-земному.

– Лао, – внезапно протянул он мне руку.

Я хотел представиться как Агила, забывшись, но, взглянув на Нэву, которой уже представлялся, сказал:

– Ник, – и пожал крепкую ладонь.

Лао кивнул и что-то спросил, взглядом указав на медальон.

Мне это не понравилось, еще не хватало, чтобы в первые же сутки его отобрали. Я нахмурился, спрятал его за ворот, всем своим видом давая понять, что мне не нравится его внимание к моему передатчику.

Лао что-то снова спросил, какие-то знакомые слова проскакивали, но смысл уловить не удавалось. Он говорил что-то про пятно или метку, при этом похлопывая себя по нижней части живота. Я отрицательно качал головой и улыбался.

Лао разочарованно развёл руки и исподлобья уставился на меня, будто бы чего-то ждал. Ему что-то объяснила Нэва. Он кивнул, свел сосредоточенно брови на переносице, словно собирался сделать что-то требующее немалых усилий, и шагнул ко мне. Я же сделал шаг назад к выходу из расщелины.

– Пхир пари па! Бадра! – воскликнул Лао, выставил руки вперед и, крадучись, начал надвигаться на меня шаг за шагом, как крадутся ловцы бродячих собак: медленно, чтобы не спугнуть, а затем вмиг накинуться и скрутить.

Я, ударившись затылком о край расщелины, вышел из пещеры.

– Кутра? – Нэва подскочила ко мне и ухватила за руку, а затем успокаивающе принялась мурлыкать что-то очень похожее на: «Не бойся, все в порядке, все будет хорошо».

– Ракт? – спросил Лао, растянув лицо в наигранно ослепительной улыбке. – Шакти сид-дхи?

Слово «шакти» мне было знакомо, в Индии я пару раз его слышал, только вот совсем не помнил, что оно обозначало.

Нэва, застав меня врасплох, быстрым движением вывернула руку, завалив на колени. Это было так неожиданно и где-то даже обидно, что я, растерявшись, не сразу среагировал.

Но Лао оказался быстрее – подскочил, перехватил руку, попытался схватить за вторую руку. Я же, резко подскочив, ударил его затылком в лицо. Без промедления перехватил его руку и дёрнул за ремень автомата, пытаясь сорвать. Лао удивил – перехватил руку и молниеносным тренированным движением опрокинул на спину. Я как-то совсем не ожидал, больше опасался автомата. Ещё одно правило, о котором я частенько забываю, – никогда не недооценивай противника.

Лао склонился надо мной, держась за нос, сказал что-то серьёзно с осуждающей интонацией и протянул мне руку.

Что они делают? Я решительно не понимал. То нападают и будто бы желают схватить, то снова прикидываются добренькими. Но то, что убивать меня этот Лао не собирался, я уже убедился, иначе давно бы пустил в ход автомат. А вот за Нэву обидно было, хотя с чего я вообще решил, что ей можно доверять? Все-таки незнание языка действительно огромная преграда. И сейчас мне, наверное, как никогда отчаянно хотелось понять, что именно говорит Лао. А говорил он что-то серьёзное, с интонацией человека, объясняющего или даже наставляющего, но при этом он продолжал хитро щурить глаза.

Нэва стояла в сторонке со скучающим видом, елозя ногой в драном ботинке по луже. Я повернулся к Лао, уже не пытаясь понять, что он говорит (там снова было что-то про метки, кровь и даже проскочило знакомое выражение «твам джив» – ты жив).

У Лао из разбитого носа вытекала тонкая струйка крови, странная кровь. Я будто замороженный глядел на неё – неестественно тёмная, я бы даже сказал черная. Лао, проследив за моим взглядом, быстрым движением утер нос. И точно черная! Вместо красного следа, будто мазут смахнул. Вот это дела! Тут у меня в голове закрутились шестерёнки, завертелись колёсики и... Бинго! Видимо, у них тут у всех черная кровь, а моя красная, потому я и напугал Нэву. Да уж, незадача. И как теперь остаться в тени и не привлечь внимание? Но потом я засомневался, вспомнив о докладе Саймона. Он ведь об этом что-то упоминал.

Лао, наконец поняв, что я совершенно его не понимаю, принялся объясняться жестами. Постучал себя по лобку, задрал рубаху, даже штаны оттянул и, показав в штаны пальцем, спросил:

– Игал?

Я, полон самых худших подозрений, окинул его недоверчивым взглядом. Что это еще за гнусные вопросы? Даже думать не хотелось, что он имел в виду.

Лао схватил меня за руку и ткнул пальцем в уже покрывшийся коркой порез.

– Ракт! Игал, – он указал пальцем на медальон. – Азиз? Твам Азиз Игал?

Последнее я понял ясно, он спрашивал: «Ты Азиз Орел?»

Я растерянно закивал, потом опомнившись, отрицательно замотал головой. Какой еще к черту Азиз?

Меня явно приняли за кого-то, кого здесь звали Азизом Орлом, и, наверное, именно медальон на моей шее натолкнул их на эту мысль.

Выдавать себя за кого-то другого, совсем не понимая, о чем речь, было весьма рискованно. Вдруг этот Азиз беглый преступник? Нет, я намерен был начать жизнь с чистого листа, раз уж домой мне не вернуться. И поэтому решил, что пора сваливать от этой парочки. Поэтому я, улыбаясь и раскланиваясь, начал пятиться назад. И только я бросил быстрый взгляд туда, куда собирался рвануть, как темный силуэт мелькнул за спиной.

Лао, прицокнув языком, осуждающе закачал головой.

Я медленно повернул голову.

И тут, словно тени, позади меня выросли двое в черно-сером камуфляже и глухих масках. Еще один со снайперской винтовкой показался из-за валуна. И еще один сверху над расщелиной.

Ну, вот и начал жизнь с чистого листа. И обступили же гады со всех сторон, бежать совершенно было некуда.

Лао подошёл, улыбнулся весьма искренне, дружелюбно похлопал меня по плечу и кивнул куда-то в небо.

Поднялся ветер, легкий шум, едва слышный свист, я задрал голову и обмер. Наверное, даже рот раззявил от удивления.

Над нами, в метрах десяти над головой, висела летающая тарелка. Нет, не такая, как изображают в фантастических фильмах: с металлическим корпусом, с окантовкой по краю из зеленых огоньков и столбом света из центра. Эта была другой: глухой цельнолитой диск из темного золота сиял в утренних лучах и неспешно вращался вокруг своей оси. А затем в центре не открылся, а расплылся в стороны, будто растаяв, проход. И из прохода вырвался столб света. А вот и он!

Я даже не знал, что думать. Один из людей в камуфляже нырнул в столб света, мелькнул и растаял.

Я захлопнул рот, чтоб так сильно не выдавать удивление. Но Лао все равно заметил, он с интересом наблюдал за мной и, прищурившись, усмехался.

Свет снова вырвался из тарелки, и человек в камуфляже вернулся. В одной руке он держал деревянную коробку, заваленную бумажными пакетами, упаковками и консервными банками разных размеров, в другой мешок, чем-то туго набитый.

– Нэва! – позвал Лао.

Девчонка поспешила забрать сначала мешок, затем оттащила в сторону коробку и принялась с благодарностью раскланиваться перед Лао.

Он поманил ее пальцем, довольно щурясь. Начал что-то говорить, судя по интонации, хвалил. Затем достал из внутреннего кармана бархатистый мешочек и тоже отдал Нэви.

Глаза девчонки округлились от удивления, она неуверенно протянула руку и забрала мешочек. Лао снова что-то сказал, кивнув на меня, и довольно прицокнул языком. Снова прозвучало слово Азиз и Игал. Нэва заглянула осторожно в мешок, глаза ее округлились еще больше.

– Дяка! Дяка! – принялась кланяться она, спешно пряча мешочек за пазуху.

Но и теперь, даже не зная языка, я понял, что Лао заплатил ей за меня. Что об этом думать, я пока не знал. Мои предшественники пропали без вести, Саймон в первую же неделю попал в рабство. Не знаю почему, может интуиция, но я был уверен, что в рабство не попаду. Как обращаются в этом мире с рабами, я не знал, но точно не так, как Лао со мной. Он же слишком осторожничал, расшаркивался, пытался что-то выяснить. Даже на то, что я ему нос разбил, кажется, не обратил внимания. Будь я человеком на продажу, вот эти с винтовками давно бы скрутили меня, не забыв при этом попинать ногами. Но они меня не трогали. И, кажется, это как-то было связано с этим Азизом.

– Ашва!

Лао подтолкнул меня в спину, к столбу света. Я от неожиданности уперся. Лао сказал что-то подбадривающее и направил к столбу света.

Я шагнул, что еще оставалось? Яркий свет ослепил. Меня слегка пошатнуло, и вот свет исчез, а я стою внутри летающей тарелки. Точнее в узком коридоре, изогнутом полукругом. Лао тут же возник рядом, мягко подтолкнул меня в сторону, намекая, чтоб я посторонился. И только я отошел, на том месте, где мы стояли, удивительным образом начали появляться люди Лао, материализуясь прямо из воздуха.

Вот тебе и отстают в технологическом развитии лет на пятьдесят! Нам до таких технологий еще ого-го сколько. Я вообще не был уверен, что в нашем мире такое возможно.

Мы прошли коридором и оказались в полукруглом помещении. Здесь царил полумрак. Я ожидал увидеть что-то похожее на кабину пилота, но здесь ее не было. Диван, два кресла, узкие серые шкафы вдоль стены, с другой стороны рабочий стол, на котором не было ничего, кроме толстой кожаной папки.

Но в глаза бросилось совсем другое – клетка в углу, решетка от пола до потолка. В ней сидела темнокожая, весьма красивая девушка в лохмотьях, оставшихся от некогда явно красивого розового наряда. Она подняла на меня безразличный взгляд и тут же отвернулась, зябко обняв себя за плечи.

Лао, проследив за моим взглядом, начал что-то рассказывать. Все, что я понял, что Лао нашел ее и собирался немало заработать, продав ее.

Девушку, конечно, было жаль. Но я решил, лучше мне не вмешиваться. О том, что торговля здесь в порядке вещей, я уже знал. Чему же тогда удивляться. Да и не мог я этой девушке помочь, разве что посочувствовать. Мне бы себе для начала помочь.

За клеткой было еще одно помещение. Оно отделялось от того, в котором мы находились, стеклянной матовой ширмой. Там, во второй половине тарелки, ярко светил свет и через матовое стекло проглядывался силуэт. Я не сразу понял, что это – напоминало сидящего в высоком кресле человека с рогами. Я, будто замороженный, зашагал туда. Лао не останавливал меня, а шел рядом.

Я обошел ширму и заглянул за узкий проход. И здесь тоже не оказалось ни мониторов, ни приборной панели, ничего, что в моем разумении должно находиться в летательном аппарате. Только кресло из такого же темного золотого металла, как и тарелка, и сидящий в нем мужчина с закрытыми глазами в рогатом шлеме, опять же из того же металла.

Но не это привлекало внимание – позади мужчины в шлеме происходило нечто невероятное. Густым дымом клубилось тускло светящееся облако, из облака тянулись серебристые нити прямо к рогам шлема. Тонкие нити, словно паутина, плавно извивались, сжимались, растягивались будто живые.

Лао приложил палец к губам, намекая, что здесь нельзя шуметь. Но я и не собирался, я замороженно глядел на это облако, пытаясь хоть немного понять, что это такое и как оно работает. Единственное, что приходило в голову – мужик в шлеме – пилот, а облако с паутиной и есть тот самый пульт управления. И эта догадка поразила меня еще больше. Нет, этот мир явно не отставал от нас в развитии. Очень даже не отставал. Сейчас мне как никогда захотелось поскорее разобраться с местным языком, чтобы понять, как тут все устроено. Потому что я ощутил то, чего не ощущал с самого детства. Веру в чудеса.

Конечно, мое попадание в этот мир тоже иначе как чудом не назовешь. Но эта тарелка и это светящееся облако настолько взбудоражили мое воображение, что я на миг позабыл вообще обо всем на свете.

Лао продолжал смотреть на меня и улыбаться. Я знал этот взгляд и даже знал, что Лао чувствует. Так же я смотрел на детишек в трущобах Мексики, когда показывал им фокусы. И видимо, лицо у меня было таким же восторженным, как у тех детишек. Этот факт меня смутил, и я тут же сделал суровое лицо и опустил глаза.

Лао, взяв меня под локоть, увел от чудесного зрелища. Я почувствовал легкое головокружение, пьянящую эйфорию. Не знаю, что происходило, но меня слегка пошатывало. Похожие ощущения я испытывал вчера, когда только прибыл, правда, теперь ничто не болело.

Лао провел меня к креслу, усадил и сам сел рядом. Сказал что-то своим людям. Один из них ему ответил. Пока мы были за ширмой, люди Лао сняли шлемы, попрятали оружие. Все они были смуглыми, черноволосыми, как и Лао. Я попытался сравнить их с каким-нибудь

народом с Земли и решил, что они больше походили на итальянцев или испанцев, но при этом в их внешности присутствовало и нечто восточное, как у арабов.

Лао спокойно и непринужденно обсуждал что-то со своими людьми. Я заметил, что если не напрягаюсь, пытаюсь вслушаться в каждое слово и вспомнить, из какого оно языка, до меня лучше доходит смысл сказанного. Я просто позволял словам течь мимо, не акцентируя внимания. Я поддался той легкой эйфории, которая не покидала меня. И как-то странно, но она будто помогала мне расслабиться и лучше понимать речь местных. Слова складывались в предложения, обретая смысл. Я слышал речь, и мозг сам все переводил, на некоторые слова предлагая несколько вариантов значения. Очень все это было странно и необычно. Но теперь я понимал их речь.

Многие слова были похожи на наши, пусть и звучали иначе. Я слышал одновременно сразу несколько языков. Или даже нет, я слышал смесь из всех языков. Японский, хинди, русский, польский, английский и итальянский, всего и не перечислишь. Но все слова будто переиначены, подогнаны под один общий стиль и стандарт. Словно кто-то взял и надергал слов из всех языков мира. Я не очень понимал принципы формирования языков, но где-то прикидывал, как оно должно происходить. Точнее, как происходило это в нашем мире, когда народы постоянно переселялись с места на место, кочевали туда-сюда по материкам. Когда один язык спустя тысячелетия делился на множество языков, почти не похожих друг на друга. Но как происходило это здесь, я не мог представить. И как так вышло, что у них один общий язык – смесь из множества языков нашего мира?

Почему-то вспомнилось библейское предание про Вавилонскую башню, и я даже мысленно усмехнулся этой мысли. Представилось, что в этом мире ее никогда не строили и поэтому господь не разделил языки.

Задумавшись, я и не заметил, как Лао ушел. Теперь возле меня в кресле сидел молодой худощавый парень. Он, как и все остальные здесь, с интересом слушал мужчину на диване напротив, который рассказывал что-то забавное о старухе, которая на каком-то важном мероприятии осталась без юбки стараниями своей любимой собачки.

Я оглянулся, выискивая взглядом Лао. Тот сидел за столом, уткнувшись в зелёный светящийся экран небольшого прибора. Затем он что-то нажал на приборе и приложил его к уху. Ага. Это что-то вроде старинного нано-сэда. О, вспомнил – мобильный телефон.

Лао тем временем встал, на его лице отразилось напряжение, по-видимому, разговор предстоял серьёзный:

– Адара, Зунар! – его лицо резко переменялось, засияла уважительная улыбка, будто бы собеседник на том конце провода мог видеть его лицо.

Разговор шел обо мне. В этом не было сомнений, Лао несколько раз сказал Азиз и еще чаще повторял Игал. Также звучало слово «сорахашер», что я перевел как спящий лев. Я решил, что это название города или, возможно, имя человека, который должен быть рад возвращению Азиза. Говорил Лао много, и не все я мог расслышать. Но мне удалось кое-что понять. Этот Азиз был потерянным родственником Зунара, с которым он говорил, и мой медальон с орлом тому подтверждение. Еще он говорил про кровь, рассказывал, что я не в себе, что со мной, вероятно, жестоко обращались, и я перепуган и почти не разговариваю. А затем Лао как-то резко перевел разговор в другое русло, принявшись торговаться. Странно называлась местная валюта – ратан, но вот числа на слух были вполне узнаваемые. И в том, что Лао требовал у Зунара за меня немаленький выкуп, сомневаться не приходилось.

Когда же они договорились, Лао сиял как новогодняя елка, видимо сделка удалась. Я же почувствовал нарастающую тревогу. Во что же я вляпался?

С тоской поглядел на девушку рабыню, она, притулившись головой к решетке, дремала. Сейчас этот Зунар посмотрит на меня, и выяснится, что никакой я не Азиз. И тогда даже

страшно представить, что меня ждёт. Главное не оказаться в том же положении, что и эта девушка.

Нужно было срочно думать о том, что делать дальше, нужно бежать при любом удобном случае.

Лао тем временем подошёл, похлопал меня дружелюбно по плечу и подбадривающе сказал то, что я без труда перевёл:

– Не переживай, Азиз, скоро ты будешь дома.

Глава шестая, или Самозванец

*Империя, территории клана Сорахашер,
«Хели-Била», резиденция Зунара Хала*

Новость о том, что нашелся Азиз, которого уже давно считали погибшим, ошарашила Зунара не меньше, чем тогда, когда пятнадцать лет назад он узнал о гибели последних из рода Игал. А выходит, что наследник все-таки выжил.

Рейджи повернулась к нему, распахнула глаза, перевернулась в постели, потянулась кошкой, демонстрируя стройное обнажённое тело, с любопытством глядя на реакцию Зунара. Но Зунару сейчас было совсем не до этого, он не взглянул.

Рейджи нахмурилась, повернулась на бок, подперла голову рукой, вторую руку запустила под одеяло, погладив живот Зунара.

– Выглядишь встревоженным, – сказала она, опуская руку ниже.

Зунар мягко отстранил ее, сел в постели:

– Азиз нашелся, – сказал он задумчиво, глядя перед собой.

Рейджи непонимающе посмотрела на своего паті и тоже села:

– Подожди... Это тот самый Азиз, который пропал пятнадцать лет назад? Сын Алисаны? Ваш племянник?

В ответ Зунар кивнул, взял телефон с прикроватного столика, но не спешил звонить, а просто крутил пластиковую трубку в руках.

– Что-то, душа моя, ты не выглядишь счастливым? Скорее обеспокоенным. Разве это не хорошая новость?

– Еще не знаю. Вайши везут его сюда, Лао Зуампакш звонил. Говорит, Азиз прятался в пещере на Меру, его нашла девчонка из презренных. Только вот он толком двух слов связать не может, ведёт себя странно. Но медальон Игал при нем и кровь ракта. Я не знаю... Мне нужно взглянуть на него. Странно это все. Яхта затонула, никто не выжил, как младенец мог выжить? И где он находился пятнадцать лет?

Рейджи пожала плечами, убирая с пышной смуглой груди белую прядь:

– Думаешь, Лао хочет надуть тебя? Не в его привычках так рисковать. Будешь звонить Самару? – она кивнула на телефон.

– Нет, – Зунар, перестав крутить телефон, убрал его обратно на столик. – Сначала нужно убедиться, что это Азиз.

– Когда он пропал, у него уже стояла родовая метка?

– Нет, ему тогда еще и года не было.

Рейджи рывком встала с кровати, принялась одеваться:

– Лао когда будет? – спросила она, натягивая трусики и пряча клеймо наложницы на ягодице под белыми кружевами.

– Скоро, – Зунар снова потянулся к телефону, – сказал, что уже летит.

– Отдам распоряжения, – Рейджи ускорила, почти запрыгнув в платье. – Где будут переговоры?

– В кабинете, как обычно, – бросил Зунар и начал набирать номер Карины из рода Кави. Кто как не лучший доктор клана должен знать, были ли у Азиза родинки или родимые пятна. К тому же она принимала роды у Алисаны.

– И еще, – окликнул он уже собравшуюся уйти Рейджи, – скажи Амали, пусть приготовит сотню золотых ратан.

Рейджи кротко кивнула и, мелькнув, бесшумной тенью исчезла за дверью.

* * *

Из летающей тарелки мы вышли вчетвером: я, Лао и два парня с автоматами, но уже без масок. Вышли так же, как и зашли. Столб света проглотил нас, а затем выпустил на зелёной лужайке перед помпезным зданием.

Вилла Джонсона по сравнению с этим особняком серая убогая хижина.

Три этажа, вертолетная площадка, собственно, и черный шикарный красавец-вертолет на ней; белые мраморные стены в золотой росписи, большие широкие витражные окна, две башни с остроконечными крышами. И вокруг и повсюду пальмы, фигурные кустарники, фонтаны, аллеи, сады и мраморные беседки. Территория огромнейшая, вдалеке виднелись еще несколько двухэтажных домов и пруд.

Чувство, что меня привезли на прием к королевскому семейству. И эта мысль мне не понравилась. Понятно же, здесь живут не простые люди. И Азиз этот явно не из простых. И тем хуже для меня будет, когда все раскроется. Да и наверняка здесь все тщательно охраняется, сбежать, как я планировал, так просто не получится.

Черт!

Я старался вести себя непринужденно. Лучше пусть Лао и дальше думает, что я ничего не понимаю. На середине пути, где-то между очередным фонтаном и цветочным садом, нас встретила шикарная блондинка, в сопровождении плечистого бородатого амбала с лицом таким суровым, что кажется, он одним только взглядом способен колоть кокосы.

Но вот блондинка – оторвать взгляда от нее было невозможно, таких красивых женщин мне редко приходилось встречать. Смуглая кожа и контрастом длинные волосы цвета снега, светло-серые, будто прозрачные, глаза. Длинные ноги и роскошная грудь прилагается. Такие обычно блистают на красных дорожках, шагают по модным подиумам, сопровождают на приемах богачей.

Девушка, вежливо улыбаясь, сдержанно и официально, легким поклоном приветствовала Лао, они обменялись короткими фразами, видимо перекидываясь ничего не значащими любезностями.

Блондинка с интересом посмотрела на меня, лишь мельком скользнула взглядом и тут же снова переключилась на Лао, приглашая в дом.

Пока мы шли, я все поглядывал на девушку и думал, кем же приходится она этому Азизу. Может быть, конечно, к Азизу она и не имеет никакого отношения, но наверняка она как-то связана с Зунаром. Мысль о том, что девушка может быть просто прислужгой, я тут же отменил, вела она себя как хозяйка. Скорее всего, жена или дочь хозяина. Может, сестра?

Дом был большим и светлым. Здесь все было сделано со вкусом, с неким восточным колоритом: странным образом сочетались темные стены, глянцево-белые полы, широкие лестницы, резные витражи с разноцветными стеклами и деревья в массивных кадках. Но при всей этой органичности дом не казался жилым, все слишком чисто, стерильно. Нет тех мелочей вроде забытого журнала на столике или брошенного в спешке пиджака на диване, или оставленной чашки с недопитым кофе. Все вылизано, вычищено до блеска и убрано с глаз. Как в отеле.

Нас провели коридором, и блондинка, указав вежливо на дверь, пропустила нас вперед, а сама с охранником осталась за дверью. Лао крутнулся, повелительным небрежным жестом оставил своих ребят у дверей и вошёл, за рукав рубахи утаскивая меня за собой.

Это был кабинет. Большой и просторный, как и весь дом. У окна стоял полукруглый, солидный, занимающий четверть всего пространства стол, на столе лежал черный кейс, а во главе стола восседал рыжий с аккуратной бородой мужчина, как-то неестественно улыбающийся во весь рот. Он поздоровался с Лао и заглянул ему за спину, где плелся я. Стоило мне приблизиться, как он, привстав с кресла, вцепился в меня испытующим взглядом и перестал

улыбаться. Мой же взгляд в первую очередь зацепился за кобуру и пистолет у него на ремне и кинжал с аляповатой золотой рукояткой за поясом.

Мысленно я приготовился. Сейчас могло произойти что угодно. В первую очередь я готовился к тому, что этот рыжий, который, похоже, и есть Зунар, скажет, что никакой я не Азиз, а затем...

В лучшем случае меня пинками вытолкают из этого шикарного дома, а в худшем – пристрелят на месте. А так как порядков этого мира я ещё не знал, готовился к худшему и заранее присматривался к широкому окну позади рыжего. Перепрыгну через стол, рвану в окно и там поминай как звали.

Лао и Зунар пожали друг другу руки, при этом Зунар не сводил с меня взгляда. Наконец когда с приветствием было покончено, Лао сказал что-то вроде: «Можешь посмотреть».

Зунар, изогнувшись, не обошел – облетел стол, порывисто шагнул ко мне, и замер, внимательно разглядывая. Я тоже его изучал украдкой. Я бы охарактеризовал его двумя словами: престарелый пижон. Ну, вообще он не такой уж и старый, лет сорок где-то. Похож на тех невысоких поджарых энергичных людей, которые всегда остаются молодыми, лишь внешне немного меняясь и обзаводясь морщинами. И Зунар явно из таких. Резкие, немного пружинящие, немного нервные движения, хитрый прищур, дерзость в улыбке и морщины в уголках глаз. А еще наряд у него был весьма эксцентричный – красный короткий жакет, майка, кожаные штаны и неожиданно золотой обод, в центре которого, прямо на лбу, красовалась голова льва с рубиновыми глазами.

– Игал, – Лао указал на мою шею, но Зунар его будто не слышал. Он испытующе глядел мне в глаза и с недоверием спросил меня:

– Азиз?

Ну вот. И что мне делать? Этот Зунар, оказывается, тоже не знает, как выглядит Азиз.

Был соблазн солгать, огромный соблазн: шикарный дом, шикарные женщины, шикарная жизнь – о чем еще может мечтать засланец из другого мира. Но вот признать обман, притвориться неизвестным мне Азизом слишком рискованно. Ну не может же его вообще никто не знать!

Поэтому я промолчал, никак не реагируя.

Зунар указал взглядом на цепочку на шее, видимо намекая, чтобы я показал медальон. Я достал орла. Он склонился, чуть ли не уткнувшись носом мне в грудь, разглядывая медальон.

Я ждал. Снова поглядывал на окно и думал о том, что все складывается очень странным для меня образом. Ну не бывает так в жизни, чтобы человек без имени, появившийся неизвестно откуда, вдруг попал в богатую семью как давно потерянный, а теперь нашедший родственник.

Зунар с досадой прицокнул языком, отстранился от меня и сказал Лао, что медальон странный, что у рода Игал был другой.

Лао эта новость явно раздосадовала. Он попытался убедить его, что медальон точно был такой, а затем еще сказал про кровь.

Зунар свел брови на переносице, достал кинжал из-за пояса. Я отступил, пятясь к окну. Но он оказался так быстр, что я и моргнуть не успел, как Зунар оказался рядом, схватил меня за руку и полоснул по ладони, оставив жгучий порез.

Я был шокирован. Даже не тем, что он меня порезал, а то с какой скоростью он это сделал. Я инстинктивно зажал рану, кровь закапала на светлый ковер. Но я продолжал глядеть на Зунара – он вообще человек, или мать его, что это было только что?

– Ракт, – буднично произнес Зунар, глядя как на ковре расцветает алое пятно.

А затем добавил несуразицу про непосвященную кровь или про неготовую, что-то вроде того.

Зунар учтиво протянул мне белоснежный платок, невесть откуда появившийся у него в руке. Я платок принял и обмотал ладонь, продолжая растерянно глазеть и слушать, надеясь найти в их словах хоть какое-то объяснение. В отчетах Саймона что-то было про сверхлюдей, может, Зунар один из них?

Дальше разговор перешел к обсуждению меня, то есть Азиза. Зунар, судя по разговору, не совсем был уверен, что я Азиз, и считал, что меня должен осмотреть некий доктор Кави, прежде чем об этом можно бы было говорить с уверенностью. Лао же это не понравилось. Он считал, что не в чем тут сомневаться, что только у Азиза мог быть амулет Игал. На что Зунар фыркнул и усмехнулся, сказав, что родовой медальон – а это, кстати, многое проясняло – мог найти любой идиот и натянуть на себя. Лао посмотрел на Зунара в этот миг так, будто счел его безумцем, с расстановкой вкрадчиво поинтересовавшись, как так вышло, что медальон Игал оказался без родовой защиты? Градус спора повышался, прежнюю вежливость как ветром сдуло.

– Это может оказаться обычной подделкой! – вспыхнул Зунар.

– Хочешь проверить? Проверь! Я не собираюсь рисковать. Но если тебе племянник не нужен, так я его продам в клан Нага. Змеи, уверен, примут его с радостью.

– Они его убьют, – мрачно сказал Зунар.

Я смотрел на происходящее, затаив дыхание – еще бы, сейчас решалась моя судьба. И то ли из-за концентрации, то ли по другим непонятным мне причинам я вдруг начал понимать почти все, что они говорят.

Лао усмехнулся:

– Убьют. Я даже думаю больше. Мы нашли его на южной стороне. Земли Нага как раз ближайšie к этому массиву Меру. Скорее всего, Наги его держали пленником все эти годы, и вот он вдруг сбежал. Представляешь, как они обрадуются, когда я его верну?

Зунар стал еще мрачнее. Помолчал с минуту, взглянул на меня, затем на кейс на столе.

– Я дам тебе за него как за безродного ракта, – сказал он.

– Нет, – твёрдо отчеканил Лао, – или как договаривались, или сделка отменяется.

Снова повисла напряженная пауза.

– Давай так, – Зунар смягчился, – что мы, в самом деле? Нужно успокоиться, обсудить все спокойно.

Лао усмехнулся на одну сторону, вопросительно вскинул брови.

– Поступим вот как, – снова начал Зунар, – я заплачу тебе половину того, о чем мы договорились, а ты оставишь нам мальчишку на неделю. За это время мы успеем разобраться, Азиз это или самозванец.

Лао хотел что-то возразить, но Зунар, вскинув указательный палец, дал понять, что он говорить еще не закончил:

– Если это и вправду окажется Азиз, я выплачу тебе вторую половину. Если же нет, ты вернешь мне деньги и заберешь его. А там делай с ним, что хочешь.

Лао задумался, затем кивнул:

– Что ж, хорошо, давай поступим так. Это справедливо.

На лице Зунара тут же отразилось довольное и одновременно лукавое выражение, он шагнул к кейсу, распахнул и начал извлекать оттуда золотые круглые пластины, размером с тарелку, в сердцевине этих пластин блестели бриллианты. Что же, это у них деньги, что ли, такие? Я бы сказал, что это, наверное, весьма неудобно, но однозначно эти диски имеют куда больше фактической ценности, чем бумажные деньги или виртуальные числа моего мира.

Когда Зунар ополовинил кейс, Лао кивнул и направился к двери, пригласив одного из своих людей.

Пока человек Лао осматривал диски и складывал каждый в отдельный кожаный мешок, ко мне подошел Зунар, дружелюбно похлопал по плечу, заглянул в глаза, улыбнулся с какой-то непонятной мне грустью и едва слышно сказал:

– Не переживай, Азиз, тебе ничего не угрожает. Ты дома. Сегодня отдохнешь, а завтра уже поговорим и решим, что делать.

Я тоже улыбнулся, вышло растерянно, еще бы, я чувствовал себя настолько неловко, насколько это только возможно. Похоже, Зунар и впрямь считает меня племянником, вон, сколько золота отвалил.

– Рейджи, – резко повернувшись к дверям, позвал Зунар. В дверях показалась блондинка. – Найдите Азизу комнату. И приставь к нему Сати.

Рейджи с готовностью кивнула, Зунар подтолкнул меня в спину к выходу.

Я шел неуверенно, то и дело оглядываясь. Зунар тут же переключился на Лао:

– Что же это я?! Ай, как негостеприимно! – театрально всплеснул он руками. – Лао, зови своих людей, это нужно отпраздновать. Мне буквально вчера привезли замечательный дих из Черных земель, уверен, ты оценишь по достоинству.

Дверь захлопнулась. Стало тихо.

Рейджи улыбнулась мне. Было в этой улыбке что-то неприятное, надменное: смесь жалости и брезгливости. Я видел, как ей лень возиться с полоумным, свалившимся внезапно на голову родственничком мужа, или кто там он ей. Зато теперь она была такая как есть – маска сдержанной вежливости и таинственной красоты слетела в один миг. Все колдовство из прозрачных глаз испарилось, теперь это были холодные и где-то даже жестокие глаза.

– Иди за мной, – сухо бросил Рейджи и, не дожидаясь, зашагала по коридору.

Несколько секунд я пребывал в сомнении. А стоит ли вообще? Сейчас, пока Лао и Зунар в кабинете, отличное время для того, чтоб свалить отсюда. Явно же, ни к чему хорошему эта авантюра привести не может. Нет, сейчас я побегу, Рейджи поднимет крик и меня тут же схватят. Лучше дождаться момента, когда я останусь один.

Рейджи замерла, не поворачивая головы, раздраженно поинтересовалась:

– Ты идешь?

И я зашагал за ней.

Она отвела меня на второй этаж, провела мимо запертых дверей, шеренгами стоящих по обе стороны, и я снова ощутил, будто нахожусь в отеле.

Рейджи распахнула передо мной одну из дверей.

– Пока что это твоя комната, – сказала она, пропуская меня вперед.

А дождавшись, когда я войду, закрыла плотно дверь. В замке, зашуршав, провернулся ключ – меня закрыли.

Я даже усмехнулся – когда меня это останавливало? Но все равно сам факт, что меня заперли, был тревожным звоночком. Нужно думать, как поскорее сбежать отсюда.

Глава седьмая, или Побег

Я осмотрел комнату – двухспальная кровать, письменный стол, неожиданно – квадратный плазменный телевизор на стене – в нашем мире еще пользовались такими, но всё реже. Некоторые предпочитали голопроектор, но у него, по моему мнению, было слишком много недостатков: для просмотра требовалось полное затемнение помещения, а так же под показ необходимо отводить слишком много места. То ли дело видеосэд, надел и смотри. Кто побогаче, обзаводился видеосэдом с объёмным изображением и эффектом присутствия. Но у нас с девчонками был именно телевизор, правда, прямоугольный, а не квадратный.

Телевизор я включил с кнопки, пульт так и не нашёл. Весь экран заняло мужское лицо. Странно и одновременно жутко смотрелась эта одна, почти без плеч, большая голова на экране, рассказывающая о дефиците пшеницы и неурожае на юге из-за засушливой весны. И так серьёзно об этом говорилось, так мрачно, видимо, чтоб ни у кого и в мыслях не возникло, что обсуждается какая-то ерунда.

Будь я более впечатлительный, наверное, проникся бы и даже ужаснулся, решив, что этому миру и впрямь грозит голод. Но в новости и вообще в то, что говорили по телевидению, никогда не верил, потому что знал, как это все делается.

Пока диктор нагнетал и пугал население, я продолжил исследовать комнату. В первую очередь меня интересовали окна. Но на всякий случай я заглянул за дверь, ничего удивительного – ванная комната. И снова промелькнула мысль об отеле. Может, это и есть отель, только вот ни холла, ни ресепшена, ни услужливых швейцаров, ни натянуто улыбающихся горничных здесь нет.

Я взглянул в окно, второй этаж, спуститься – раз плюнуть, да к тому же под окном какие-то кусты, в случае чего смягчат приземление. Откинул щеколду, потянул за ручку, окно тут же мягко поддалось, впустив в комнату свежий воздух. Я наполовину вылез на улицу, посмотрел направо, затем налево. Тихо, идиллия, только ветер шелестит листвой да птички поют.

Никакой охраны, расхаживающей по периметру, я не увидел, камер тоже не заметил, когда меня сюда вели. Это показалось мне странным и подозрительным. Не может быть, чтоб такой дом никем, кроме того бородатого амбала, который встречал нас с Рейджи, не охранялся.

Я решил, что бежать сейчас все же не стоит. Нужно дождаться, когда все уснут, и тогда под покровом ночи уже бежать. Ну и еще я надеялся, что меня здесь покормят и дадут хоть какую-то приличную одежду.

Я взглянул на свои исцарапанные грязные руки и решил, что для начала не мешало бы воспользоваться душем.

Под струями горячей, словно целебной, воды мысли потихоньку упорядочивались. Но и всплывали вопросы. Например, невероятная скорость Зунара. Или черная кровь Лао. Хотя черная кровь, как я понял, здесь норма, а вот красная... Ещё непонятно было с медальоном. Почему его нельзя трогать другим? Почему это опасно?

Всё с этим миром было куда сложнее, чем пытался мне представить Джонсон. И самое обидное, теперь я ясно это понимал, профессор был не таким уж и простачком, каким мне казался. И чувствовал я, что ой как много он утаил от меня. Только вот зачем? Вспомнились слова Гереро: «Ты пушечное мясо, подопытный кролик».

Я всего лишь эксперимент.

И так обидно стало, так гадко на душе. Наверное, если бы не мысль о Жене с Лерой, я бы сорвал с себя и антенны, и орла и спустил в унитаз. И хрен бы им, а не информация. Пусть бы сами лезли. Похоже, такие же мысли посещали и моих предшественников. Только вот их спецслужбам нечем было шантажировать, поэтому так они и сделали. А я не мог.

Помывшись хорошенечко, смыв с себя кровь и грязь, обмотав бедра белоснежным полотенцем, насвистывая, я вышел из душа.

Там меня ждали.

– Сати, – тонким, почти детским голосом произнесла девушка, склонив аккуратную хорошенькую головку в поклоне.

Я замер в проходе от неожиданности. Девушка так и осталась стоять, не поднимая глаз, с опущенной черноволосой головкой с безупречно ровным, будто выбритым по линейке, пробором.

На ней было белое платье-халат без рукавов, не очень ей подходившее и скрывающее все достоинства изящной фигуры. На правом плече татуировка, изображающая льва, такого же, какой был на ободке и медальоне Зунара. И точно! Зунар говорил Рейджи о какой-то Сати. Ясно, девушка из прислуги.

Она так и застыла, будто бы ожидая от меня каких-то действий или слов.

– Сати... – повторил я, многозначительно кивнув.

Она с готовностью выпрямилась, подняв огромные грустные черные глаза, всем своим видом демонстрируя, что слушает и готова выполнять любое поручение.

Взгляд упал на стопку одежды на кровати, вероятно, она ее и принесла. Мне хотелось поблагодарить ее, но я не знал, как сказать. Поэтому я просто взял одежду и благодарно кивнул.

– Вы голодны? Я могу принести вам поесть, – сказала она.

Я снова кивнул, и Сати, уперев взгляд в пол, засеменила к выходу.

Я осмотрел одежду. Она явно принадлежала кому-то другому, но точно не Зунару. Тот был тощим и ростом доходил мне до переносицы. Эту же одежду носил кто-то одного со мной роста, но комплекцией был поменьше. В плечах было тесновато, штаны были в обlipку. Но я и этому был рад. К тому же одежда была очень качественная, хорошо пошитая, из натуральных материалов. Даже на ощупь чувствовалось, что это далеко не та синтетика, которую я привык носить.

Как только я покончил с одеванием, в комнату тут же вошла Сати с полным подносом. Аромат жареного мяса и специй ударил в нос. От голода у меня голова закружилась. Сати медленно, будто издеваясь, сервировала на письменном столе. Конечно, она не издевалась, а просто делала все, как положено.

Сначала красная салфетка, затем пузатый бокал, длинный стакан, приборы: ножи, вилки, ложки, все выстроились по росту. И наконец, с подноса перекечевала пустая тарелка, на которую Сати водрузила тарелку с чем-то жидким, цветом похожим на луковый суп.

– Прия аданти! – сказала она, видимо, это значило что-то типа приятного аппетита.

Может, и нет, мне уже было не до этого. Я уселся за стол и накинудся на еду.

Это был не луковый суп, хотя лук здесь и присутствовал. Густой, сладковато-острый, щедро сдобренный специями, очень вкусно.

Только доев первое, я заметил, что Сати стоит неподвижно в углу комнаты. Я-то думал, она ушла. И стоило мне поднять взгляд и отложить ложку, как она, шелохнувшись, бесшумно поспешила ко мне. Убрала пустую тарелку, заменив вторым блюдом, подлила в бокал напиток и вернулась на место, замерев.

Всё это меня смутило. Я как-то привык сам за собой ухаживать. Да и не нравилось, что она стоит там и глядит, дожидаясь, когда я доем, чтоб скорее заменить пустую тарелку на новое блюдо. О чем она думает в этот момент? Наверное, это что-то вроде: «Когда же он уже доест? У меня еще полным полно дел, а я вынуждена стоять и смотреть, как жует этот придурок». По крайней мере, будь я на ее месте, думал бы именно так.

А еще у Сати был такой взгляд – бесконечно печальный, что я невольно начинал чувствовать, будто я виновен в ее грусти.

И эти мысли окончательно испортили мне аппетит. Поешь тут, когда над душой стоят. Поэтому я забрал стакан с вишневым соком, а тарелку отодвинул подальше, чтоб стало ясно – я наелся.

Девушка с готовностью поспешила к столу и принялась убирать, украдкой поглядывая, не стану ли я возражать.

Я не смотрел на нее, ждал, когда она уже наконец уберётся, а сам продумывал побег. А чего тянуть? Одеждой обзавёлся, подкрепился, пора и честь знать. К тому же время близилось к вечеру, через пару часов стемнеет и можно сваливать.

Но не тут-то было. Только я расслабился, устроился у окна, любуясь оранжевым закатом, а заодно и просматривая обстановку, Сати вернулась.

– Желаете что-нибудь еще? – поинтересовалась она.

Я мотнул головой и снова повернулся к окну. Сати не уходила. Да что ж такое?! Ее ко мне в качестве надзирателя приставили, что ли?

Я слез с окна, многозначительно поглядел на Сати, откинул покрывало с кровати, всем своим видом демонстрируя, что готовлюсь ко сну и пора бы оставить меня в покое. Но Сати осталась стоять неподвижно.

Я начал злиться. Это уже ни в какие ворота не лезло. Злясь и мысленно матерясь, принялся демонстративно раздеваться.

Сати сдвинулась с места и засеменила ко мне, мягким движением придержав мою руку, снимающую рубашку.

– Я помогу, – сказала она, легкая улыбка коснулась ее губ, но глаза остались по-прежнему печальными.

Это меня окончательно разозлило. Что я, сам не раздеюсь? Нет, я, конечно, был бы не против того, чтобы меня раздевала такая милая девушка, как Сати. Но не при таких обстоятельствах, разумеется. Поэтому я раздраженно сбросил ее руку и отошел на шаг.

Сати нисколько не расстроилась и не смутилась, а так и осталась стоять, спокойно и где-то даже неодобрительно глядя, как я раздеваюсь. Точно мать малолетнего сына, который, впервые взбунтовавшись, решил раздеваться сам. Я швырял одежду на пол, а Сати тут же подхватывала и относила в шкаф.

Наконец оставшись в трусах, психуя, я улегся в кровать и закрыл глаза. Ну, теперь-то она хоть оставит меня в покое?

Ага! Черта с два! Сати выключила свет и осталась стоять в углу у дверей. Спасибо, что у кровати не села и не запела колыбельную.

Я лежал и тихо злился. За окном только начало сереть, и, в общем-то, времени у меня было достаточно, но нужно было все же как-то выпроводить эту назойливую служанку. Ну не будет же она стоять тут всю ночь?

Но она не уходила. Я же, нервничая, крутился в постели и все пытался придумать, как быть. Несколько раз я вставал в ванную, искренне надеясь, что, когда я вернусь, Сати там не окажется. Но она стояла.

Где-то мне было ее даже жаль. Ну что за работа такая, стоять тенью и не шевелиться? Это ведь так совсем с катушек слететь можно.

Время шло, на небе взошли две луны – одна точь-в-точь как наша, другая поменьше и красная. В другой бы раз я, наверное, восхитился, поразглядывал, поизучал бы это чудо. Но сейчас же...

Когда я в третий раз вышел из ванной, Сати вдруг оказалась у дверей.

– Бессонница? – не сказала, а промурлыкала она и неожиданно прильнула ко мне всем телом, заглядывая в глаза так, будто собиралась поцеловать.

Я растерялся. Такого от грустной служанки я точно не ожидал. Она поняла мое замешательство по-своему и поцеловала. Ее ручка скользнула к моему животу, спустилась ниже, замерла.

Я отстранился, заглянул в блестящие в сумраке черные глаза Сати. А в них безразличие и все та же бесконечная грусть. Нет там ни страсти, ни желания, которое я привык видеть у девушек, прежде заняться с ними сексом. Никто из них не смотрел на меня так вымученно. Будто ее кто-то силой заставил со мной спать. И это отбило всякое желание и разозлило меня окончательно. Я, конечно, понимаю, может, в этом мире так и принято, но для меня явный перебор.

Я схватил Сати за плечи, развернул и уверенно подтолкнул к дверям.

– Я не могу уйти, – растерянно и где-то даже испуганно сказала она.

– Могу-могу, – вычленив из ее слов нужное мне, сказал я, пытаюсь открыть дверь. Заперто. – Уйти, могу, – настойчиво кивнул я ей на дверь.

Сати неуверенно достала ключ из кармана халата и вставила в замочную скважину. Затем повернулась и так тоскливо, с мольбой во взгляде посмотрела, будто собака, которую злой хозяин выгоняет из дома под проливной дождь.

Нет уж, этим меня не проймешь. К тому же через час от меня здесь не останется и следа, поэтому я решительно вытолкал ее за дверь.

Ключ повернулся в замочной скважине. Меня снова заперли, но это и к лучшему. К счастью, изнутри имелась блокировка замка, и я поспешил закрыться, чтоб больше не шастали сюда всякие.

Выдохнул, почувствовав облегчение. Наконец я остался один. Теперь можно и в путь.

Быстро оделся, обулся. Обыскал на всякий случай комнату, надеясь найти что-нибудь полезное. Комната была пуста, лишь самое необходимое: полотенца, запасное постельное белье, в ванной предметы личной гигиены, в общем, все как в отеле. Только разве что в письменном столе отыскался канцелярский нож. Так себе оружие, но в случае чего может очень даже пригодиться. Ножом я распорол манжет на пиджаке и спрятал нож в прорехе, закатав рукав так, чтоб нож не выпал.

Ну, вот и все, прощай, прекрасный дом и шикарная жизнь, но мне явно с вами не по пути.

Я распахнул окно, ночь стояла прохладная и ясная, оба спутника ярко освещали лужайки и сады. Нельзя было сказать, что такая светлая ночь – везение, но на территории хватало всяких беседок, деревьев, кустарников и прочих объектов, за которыми можно спрятаться.

Я бесшумно вылез, так же бесшумно опустился на руках, уперся ногами в карниз. Внизу, прямо подо мной было окно первого этажа, там горел свет, поэтому я сдвинулся в сторону, так, чтоб меня не заметили в окне. Напротив еще одно окно, с тусклым светом.

Несколько шагов, четкий выверенный прыжок, и я, схватившись за подоконник, замер.

Окно было распахнуто, в углу горел блеклый ночник, возле кровати стояла спиной к окну обнаженная девушка. Она неспешно втирала в тело какое-то масло, аромат которого доносился до меня.

Кончики длинных прямых русых волос касались упругих круглых ягодиц. И это были самые лучшие ягодицы, которые мне когда-либо доводилось видеть. Наверняка у обладательницы таких сногшибательных форм и лицо должно быть красиво, и характер милый и покладистый, и душа светлая и чистая. Девушка начала поворачиваться, и я, опомнившись, пригнулся. Надо было спускаться, прекрасные девы это, конечно, здорово, но не настолько, чтоб рисковать собственной шкурой.

Еще подумал, что слишком много в этом доме красивых женщин. А большое количество красивых женщин в одном месте уже представляют собой опасность.

Я перекинул руки на карниз, скинул ноги, уперся носками в подоконник первого этажа, еще прыжок и вот уже и земля.

Теперь оставалось пробежать как минимум километр, и нужно это сделать максимально тихо и максимально незаметно.

До ближайшего дерева было метров двадцать, и я побежал, то и дело оглядываясь по сторонам. Странно, здесь вообще никого не было. Неужели богачи в этом мире совершенно не боятся грабителей или врагов? Едва ли я в это верил, особенно учитывая, что здесь даже дома хозяева ходят с оружием.

Что же тогда? Может, я что-то не учёл? Может там, в конце, стена под напряжением?

Думать было поздно. Поэтому постояв несколько минут за деревом, внимательно вглядываясь в ночные силуэты, двинулся дальше – к фигурному, в виде сидящего льва кустарнику.

Здесь я решил долго не задерживаться и, лишь мельком окинув взглядом окна и округу, побежал по дорожке к цветочному саду и беседке с пятиугольной крышей.

Что-то темное вдруг мелькнуло у беседки. Я замер, потому что это темное, мелькнув, заслонило собой всю беседку. Я оглядывался, не решаясь идти дальше. Ничего не было, но я инстинктивно начал пятиться к кустам обратно.

В затылок пахнуло горячим воздухом, все волосы разом на теле встали дыбом. У самого уха послышалось тяжёлое, частое дыхание, так обычно дышат большие собаки. Медленно я начал поворачиваться. Медленно пятиться и так же медленно соображать, что именно стоит передо мной. Что-то черное лохматое и невероятно громадное с белоснежными клыками и огненно-красной пастью, светящейся во тьме.

Еще шаг назад, чудовище стоит на четырех лапах, еще шаг, красные звериные глаза, как и пасть, светятся во тьме огнем. Еще шаг, теперь я видел – это огромный лев, призрачный лев, сотканный из огня и черного дыма.

Я, не раздумывая, бросился со всех ног. Бежал, не особо разбирая дороги, не думал ни о чем. В голове у меня сейчас было что-то вроде протяжного: «А-а-а-а! Твою ж мать! Что это за фигня?! А-а-а-а!» В общем, я совершенно не мог логически рассуждать в этот миг. Да потому что ни в какую привычную логику это не укладывалось. Я просто бежал, надеясь, что эта тварь меня не сожрет.

Я оглянулся. К своему удивлению, обнаружил, что призрачный лев вовсе за мною не гонится. Его вообще нигде не было видно. Пробежав еще пару метров, я замер. Где он?

И тут прямо у уха клацнуло. Белые клыки, красная пасть оказались прямо у моего лица. И вдруг пасть начала расплзаться в жуткую и неестественную улыбку.

Я никогда не видел улыбающегося льва, я вообще не был уверен, что львы могут улыбаться. И эта улыбка стала для меня сигналом, пробуждая оцепеневший мозг.

Я рванул вперед, теперь лев явно преследовал меня, показываясь то слева, то справа. В какой-то момент я подумал, а почему он, собственно, не нападает, а просто бежит рядом?

Я остановился. И лев замер. Я нерешительно смотрел на него, а он смотрел на меня, будто ожидая чего-то. Я пошел, и лев пошел. Я ускорился, и лев преградил мне дорогу. Я обошел его, а он тут же возник рядом. Он будто не пускал меня вперед.

И вдруг за спиной послышалось:

– Азиз! Ты что здесь делаешь?

Я обернулся. На меня сердито глядел Зунар.

Глава восьмая, или Последний из рода Игал

Я был уверен, что своим побегом уж точно раскрыл себя. И этим своим действием еще больше убедил Зунара, что никакой я не Азиз. К тому же тогда, в разговоре с Лао, он ясно дал понять, что очень сомневается в моей подлинности. И поэтому я ожидал чего угодно от Зунара. Например, что он скормит меня своему льву или вернет Лао, потребовав деньги обратно. Или вообще застрелит на месте. Что угодно, поэтому я медленно начал доставать из дыры в рукаве канцелярский нож.

Но каково было мое удивление, когда Зунар взял меня под руку и повел обратно к дому, отчитывая всю дорогу, будто несмышлёного мальчика. Лев, кстати, исчез, будто его и не было.

Нет, ситуация была идиотской до крайности. Ну, зачем настоящему Азизу было сбежать? Но Зунар, кажется, совсем не задавался такой мыслью. Я уже начал подумывать, а не попытаться ли объяснить Зунару, что все происходящее простое недоразумение. Может, если я признаюсь сам, можно будет как-то выпутаться без последствий из ситуации, в которой я увязал все больше и больше.

Я даже запомнил несколько слов, вертя их в голове: «Я не Азиз. Ошибка». Но так и не решился их произнести.

Зунар завёл меня в дом, дверь удивительным образом сама распахнулась перед нами. Я оглянулся, надеясь увидеть за ней кого-то из слуг, но там никого не было.

В большом зале на диванах сидели Рейджи и вторая девушка – та самая с длинными каштановыми волосами. И все-таки я оказался прав – спереди она была еще прекрасней, чем я мог предположить.

Здесь же собралась, похоже, и вся прислуга, в том числе и Сати. Они выстроились в ряд, молчаливо склонив головы. Зунар взмахом руки велел им уйти. Прислуга засеменила прочь. Сати уходя, подняла на меня взгляд, полный обиды и застывших слез.

Ну, черт. Похоже, ей влетело из-за меня. Ненавижу это гадкое чувство вины. Когда прислуга ушла, Зунар снова заговорил:

– Ну и зачем ты пытался сбежать? – он внимательно смотрел на меня, ожидая ответа.

Ответить я ему не мог. Да и если бы мог. Что бы я сказал? Что я не Азиз, что это досадная ошибка? И, в общем-то, ошибка произошла далеко не по моей вине. Это все Лао. Но тогда бы мне пришлось объяснять, откуда я и кто такой, а правдоподобной легенды у меня не было. Та легенда, которую мне предложили спецслужбы, выглядела нелепой, и вообще я решил на нее забыть. Да потому что парень, прячущийся в горах, не помнящий, кто он и откуда, вызвал бы еще больше подозрений. Я решил использовать другую тактику. Иногда, когда не знаешь, как поступить, когда не можешь найти выход из ситуации, лучше всего эту самую ситуацию отпустить и плыть по течению. Чаще всего выход или решение появляется чуть позже, главное его дожидаться и не наломать дров.

Зунар продолжал меня отчитывать, как отец провинившегося отпрыска. Наверное, будь я настоящим Азизом, сгорел бы от стыда, потому что отчитывал он меня при девушках. Но сейчас было плевать. К тому же в словах Зунара не слышалось злости или желания унижить, а напротив, ощущалось сострадание, грусть. Я бы и не подумал, что он на такое способен.

Я никак не реагировал на слова Зунара. Сидел и нагло разглядывал шатенку. Она была ну очень красивой. Не с такой яркой, броской красотой, как у Рейджи, а напротив. Было в ее тонких чертах лица спокойствие, нежность. Темно-серые широко раскрытые глаза, раскосые глаза, легкая улыбка, слегка приоткрытый рот, верхняя губа слегка вывернута наружу, немного длинноватые передние зубы, делающие ее похожей на белочку. На чертовски сексуальную и прелестную белочку.

Кем она приходится Зунару? Дочерью? Не слишком-то похожа на него, хотя в глубине души я очень на это надеялся.

– Как же ты не поймёшь, – продолжал причитать Зунар, – это твой дом, твой клан, здесь тебе ничего не угрожает. Тебе больше не нужно бежать. Ты в безопасности.

Я молча взглянул на него, стараясь изобразить безразличие на лице. Пусть думает, что я его не понимаю.

– Что же сделали с тобой, Азиз, эти Наги? – с сочувствием спросил Зунар, покачив головой.

Повисла тишина. Зунар продолжал испытующе глядеть, ожидая ответа, я не выдержал и отвел взгляд.

– Он тебя не понимает. Разве не видишь? – плохо скрывая раздражение, сказала Рейджи.

Зунар отрешенно закивал. Потом резко изменился в лице и со злостью сказал:

– Они за все ответят! Мы найдём способ. Мы заставим их отвечать. Теперь, когда Азиз нашелся...

– Ты не сможешь ничего доказать, – с сочувствием сказала Рейджи. – Мы ведь даже не уверены, что это именно Азиз.

Лицо Зунара стало жестким и холодным. Он свысока посмотрел на Рейджи, она потупила взгляд, будто поняв, что сболтнула лишнего.

– Нам нужно, чтобы это оказался Азиз. Он просто обязан быть им, – холодным тоном произнес он. – Он наш единственный шанс сохранить родовой источник Игал.

Что-то неладное происходило здесь. Вот эта его последняя фраза, тон, которым была она сказана, совсем выбили меня из колеи.

– Ты уверен, что он ничего не понимает? – подала голос шатенка, изучающе сузив глаза.

Зунар настороженно посмотрел на меня, потом повернулся к шатенке.

– Не знаю, на слова почти не реагирует, как будто и вправду не понимает. Лао рассказал, что когда они летели сюда на сурирате, он так всему удивлялся, будто впервые видел. А еще он считает, что его зовут Ник. Но такое имя могли дать ему Наги или те, кто его воспитывал. При нем был только самый простой нож, побрякушка эта на руке и родовой медальон.

– А одет во что?.. – вклинилась в разговор Рейджи, брезгливо сморщив носик. – Он ведь выглядел как презренный, может быть, его все же воспитывали презренные, а не Наги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.